

литературный сборник

ДОНБАССКИЙ РАЗЛОМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Игорь Чудовский
Rina Winter
Нелли Муминова
Светлана Проскурня
Виктор Шендрик
Алена Пиронко
Сергей Мочалов
Елена Стёпина
Елена Улановская
Яна Сасина
Никита Май
Константин Скоркин
Пётр Троян
Андрей Чвалюк
Алена Пиронко
Донбасский Разлом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59151052

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-99030-2

Аннотация

2014 год стал переломным для миллионов людей на Востоке Украины. Разлом прошел по жизням людей. По данным ООН, лишь за первый год военного конфликта на востоке Украины (в апреле 2015 года) число беженцев составило более одного миллиона, из них около 155 тысяч – дети. На протяжении шести военных лет я прислушивалась и вчитывалась в голоса людей, переживших (вернее сказать – переживающих) этот разлом. В этом сборнике собраны голоса талантливых людей – выходцев из Донбасса, которые откликнулись на мой призыв опубликовать свой литературный опыт. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Литературный сборник произведений авторов – выходцев из Донбасса	7
Алёна Пиронко	12
Актриса областного театра	13
Светлана Проскурня	17
Дом	20
День шахтера	32
Пережить крах, или Об особой миссии переселенцев	37
Билет в одну сторону или о счастливых переселенцах	46
Шел четвертый год войны	51
Минута молчания – серия очерков	65
Временное постоянное	65
Сила традиции	66
От любви до ненависти, от ненависти до войны	68
Есть ли жизнь после ненависти?	69
Те или эти?	70
Еще раз о предателях	72
Остаться в живых	73
По-людски	74
Стихи	76

Константин Скоркин	78
Карбон[1] (антиутопия)	79
Rina Winter	84
Стихи	85
Конец ознакомительного фрагмента.	97

**Алена Пиронко, Елена
Улановская, Сергей
Мочалов, Константин
Скоркин, Rina Winter,
Светлана Проскурня, Игорь
Чудовский, Никита Май,
Нелли Муминова, Елена
Стёпина, Яна Сасина,
Андрей Чвалюк, Пётр
Троян, Виктор Шендрик
Донбасский Разлом**

**Литературный сборник
произведений авторов
– выходцев из Донбасса**

И совершенно неважно, что родилась я на Урале, а в моих генах течет смесь русской и болгарской крови, и ни капли украинской или казацкой. После окончания Свердловской государственной консерватории мои родители получили распределение на работу в Нижний Тагил, но когда, спустя несколько месяцев, услышали вердикт врачей о том, что новорожденную постоянно болеющую девочку спасет только переезд из промышленного Нижнего Тагила куда-нибудь южнее, попросили распределения в развивающийся Донбасс.

Так Луганск, несколько раз переименованный в Ворошиловград и обратно, в 1962 году стал моей спасительной малой родиной. Я с детства привыкла к тому, что русский язык там звучал иначе, а на телевидении было два равноправных телеканала – русский и украинский. Что Московскую передачу «Спокойной ночи, малыши» сменяла украинская «На добраніч, діти», и украинская колыбельная песенка казалась еще более проникновенной.

Мы учили украинский язык и литературу – почти так же глубоко, как учили русский. Вывески на улицах чаще встречались на украинском языке, и это казалось естественным, хотя языком общения был в городе русский. Украинский язык звучал из уст бабушек и дедушек, переехавших жить в город к своим детям из донбасских и ростовских казацких станиц – и это тоже звучало естественно.

Мы пели русские и украинские песни, танцевали русские

и украинские народные танцы – мы были богаты двумя братскими культурами, даже не осознавая этого. Мой отец, этнический болгарин, выучил украинский язык, чтобы пополнять репертуар хора, которым он руководил, своими песнями на стихи украинских поэтов.

Я уехала из Луганска очень давно – задолго до начала «перестройки», но всегда, вплоть до 2014 года, считала Донбасс своей родиной, оставаясь на связи с бывшими соседями, друзьями, одноклассниками и однокурсниками. Тем более, что там, на хорошо известном всем местным жителям кладбище «Острая Могила» в 1992 году был похоронен мой отец.

2014 год стал переломным для миллионов людей на Востоке Украины. Разлом прошел по жизням людей. По данным ООН, лишь за первый год военного конфликта на востоке Украины число беженцев составило более 1 228 000, из них около 155 000 – дети.

Весной 2014 года в подъезд нашей бывшей «хрущёвки» на квартале им. Тараса Шевченко попал снаряд и убил нашу бывшую соседку. Стали приходить известия о гибели бывших одноклассников, о том, кто и куда успел или не успел убежать. О назначениях бывших хороших знакомых руководителями новоявленной ЛНР. О блокпостах, новых паспортах, пенсиях, пыточных подвалах, заброшенных квартирах и домах, новых магазинах и проблемах местного жилищно-коммунального хозяйства.

К 2020 году я поняла, что об этом разные люди пишут

и рассказывают совершенно по-разному. Я стала прислушиваться и вчитываться в голоса людей, переживших (вернее сказать – переживающих) этот разлом.

В этом сборнике собраны голоса талантливых людей – выходцев из Донбасса, которые откликнулись на мой призыв опубликовать свой литературный опыт.

Отправной точкой и основой сборника стала повесть моей подруги и землячки Лены Улановской «Город, где цвели абрикосы». При составлении я решила придерживаться некоей условной хронологии – жизнь ДО войны, ВОЙНА, ... а где же условное ПОСЛЕ войны? Фактически, война не прекратилась, но жизнь продолжается. И все авторы по-разному выстроили свою жизнь – кто-то смог буквально родить себя заново, создавая новую жизнь и профессиональную карьеру – как луганский адвокат Игорь Чудовский, донецкий психолог Светлана Проскурня или политолог Константин Скоркин. Кто-то целиком посвятил себя литературному творчеству, значительно преуспев в умении создавать мощные литературные образы, – как Андрей Чвалюк, Яна Сасина и Виктор Шендрик. Кто-то, особенно поэты, сознательно ушли в так называемый «дауншифтинг», занимаясь волонтерством и выхаживанием своей тяжело раненой души – я не могу читать без слез стихи Rina Winter, Елены Стёпиной, Петра Трояна.

Особняком стоит история создания документального фильма, снятого журналисткой Нелли Муминовой о семье

беженцев из Донецкой области. Очерк-репортаж молодого журналиста Никиты Май напоминает «Сталкер» Андрея Тарковского в сочетании с лучшими советскими военными триллерами.

А закончить сборник я решила сказками, сочинёнными моим давнишним луганским знакомым Сергеем Мочаловым. Сказки были написаны в 2014 году, на украинском языке, я попросила Сергея сделать авторский перевод на русский язык, и перевод получился великолепный – с сохранением национального колорита и народных традиций (перевод сделан в соавторстве с Евгенией Ткачёвой).

Почему я решила завершить сборник сказками? Все очень просто – ведь в сказках добро всегда побеждает зло! И, кроме того, ведь должен же наконец появиться раздел «ПОСЛЕ войны»!

Для обложки я использовала работу французского мастера стрит-арта Julien Malland aka Seth Globepainter, которую он создал на стене школы в городке Попасная на востоке Украины.

*С уважением к авторам и читателям, Алёна Пиронко
(редактор-составитель)*

Алёна Пиронко

Родилась в семье музыкантов на Урале, но уже в годовалом возрасте была перевезена родителями в Ворошиловград. Все детство и отрочество провела в Донбассе (Луганске), закончив там школу и музыкальное училище. После окончания музучилища переехала в Москву для дальнейшей учебы, где прожила 35 лет. В настоящее время живёт в Бостоне (США).

Актриса областного театра

Небольшой очерк-воспоминание о детстве в большом областном городе, о первых навыках общения со сверстниками, детский взгляд на взрослую жизнь.

Во времена оттепели в нашу «хрущёвку» в Луганске примерно в один год заселилась так называемая «творческая и техническая интеллигенция» – в городе было создано три новых вуза, построен аэропорт, открыт театр драмы, краеведческий музей, строилось здание цирка. По приглашению на работу из разных концов страны приехали семьи молодых специалистов.

Нам, семье преподавателей-музыкантов с годовалой дочерью (ваша покорная слуга) досталась «двушка» на первом этаже первого подъезда. Нашими соседями на этаже стали: семья авиадиспетчера, семья инженеров и семья артистов театра. Примерно такой же расклад оказался на остальных этажах и в соседних подъездах.

Из общей веселой и дружной компании сразу выделились соседи, живущие на 4 этаже – семья водителя грузовика, мрачного огромного мужика с такой же мрачной огромной женой, которая устроилась на работу в новый детский сад, и их такого же мрачного толстого сына.

Все дети в доме оказались примерно одного возраста, плюс-минус пара лет разницы, включая сына водителя по

имени Павло́ (ударение на последний слог), и сына актеров драмтеатра, красивого стройного мальчика по имени Костик. Костик был любимцем детской публики, так же как его родители-красавцы стали любимцами взрослой аудитории. Это были настоящие актеры, с красивыми поставленными голосами, тонкими и живыми чертами лица. Актриса наносила на свое красивое лицо профессиональный макияж, из-за чего казалась звездой Голливуда. Все завидовали Костику, который вырос за сценой, так как в спектаклях были заняты его оба родителя, и Костика им приходилось брать с собой на репетиции, прогоны и спектакли. На премьеры в театр ходили всем подъездом, исключая семью Павло́ – культурный досуг им представлялся несколько иначе.

Время шло, мы, дети, росли. Менялись наши игры во дворе: играли в вышибалу, в прятки («а кто не заховався, я не виноват»), скакали между двумя натянутыми резинками (кажется, на каждой высоте нужно было исполнить 10 вариантов узоров); играли в слова, чтобы отдохнуть от беготни. Все дети постепенно приобретали особый донбасский говор, и стали звучать иначе, чем их родители, приехавшие на Донбасс с Урала (подобно моим родителям), из Сибири или Армении. Кажется, актеры были родом с Поволжья.

И только Павло́ с нами не играл никогда – он не умел и не хотел играть. Он умел и хотел лишь драться.

Однажды здоровенный агрессивный Павло́ побил худощавого застенчивого Костика – просто так побил, руки чеса-

лись. Костик побежал домой, всхлипывая и зажимая рукой свой маленький кровотокающий нос. Мы, дети, в ужасе сбились в кучку, боясь заступиться за Костика. Павло смачно сплюнул, вошел в подъезд и пошел домой на четвертый этаж. Мы же остались на улице, не в силах преодолеть свой страх и ужас. Для нас это событие стало первой сценой насилия в нашей детской жизни.

Длинный донбасский летний день медленно двигался к вечеру. К дому потянулись наши родители, возвращающиеся с работы. И лишь актеры собирались ехать на работу, но почему-то медлили: выглядывали из окна, выходили из подъезда и возвращались обратно. Вскоре к дому тяжелой разваливающейся походкой подошла мама Павла, таща в руках авоськи, наполненные продуктами – в детском садике, ясное дело, есть чем поживиться. В двух сетках виднелись бутылка кефира, полбатона колбасы, промасленный сверток с чем-то жирным, торчала толстая куриная нога, лежала даже кастрюлька, накрытая крышкой, с чем-то еще теплым внутри.

И тут из подъезда искрометной зигзагообразной молнией вылетела Актриса – рыжие длинные волосы, красиво собранные на макушке, мгновенно разлетелись и стали похожи на развевающийся флаг. Она издала невыносимый звук, похожий на клич индейцев, и впилась своими длинными красными маникюренными ногтями в волосы жены водителя грузовика. Толстуха рефлекторно стала защищаться обеими руками. Полился кефир, из кастрюльки вылился борщ с мя-

сом и повис на рыжей голове Актрисы. Толстуха визжала, а Актриса громко выкрикивала своим красивым поставленным голосом, медленно расставляя слова:

– Еще раз, твой, сын, тронет, моего, Костика! Я, тебя, изведу! Воровка! Хабалка!

После чего отпустила толстуху и с высоко поднятыми скулами возвратилась домой, громко хлопнув дверью. Толстуха молча собрала с земли остатки своего продуктового набора и также молча, с красным лицом, поднялась к себе на четвертый этаж.

Этим вечером в Луганском драматическом театре давали спектакль «Гарнир по-французски или играем в дружную семью».

P.S. Мои фэйсбучные друзья после прочтения этого сюжета спросили меня, – а было ли продолжение истории? – Конечно было! Да вы и сами скорее всего дописали бы сюжет: семья актеров эмигрировала в Германию (Актер оказался поволжским немцем); Павло сел в тюрьму, где его убили сокамерники (даже для них он оказался «дуже поганим»); его мать, жена водителя, через несколько лет умерла в муках от рака; водитель спустя полгода женился на другой – точной копии своей первой жены, она даже работала в том же детском саду.

Ну а потом впереди была еще целая жизнь, которая за чем-то превратилась в нескончаемую войну.

Светлана Проскурня

До июня 2014 года я была коренной дончанкой – любила свой город, свой дом, свое дело. По первому образованию юрист, я проработала десять лет в суде в красивом здании на ДОНУГи. Потом ушла во второй декрет, еще не подозревая, что больше никогда не вернусь на прежнее место работы. Пока воспитывала дочку, получила диплом психолога. Параллельно начала печататься в детском, а потом и подростковом журнале.

В тот день, когда я пришла в отдел кадров с заявлением о третьем декрете, началась война. Конечно, все это красиво назвали АТО, но та первая ночь после атаки аэропорта, когда я, беременная, сидела рядом с кроваткой дочки и молилась, навсегда сохранится в моей памяти ощущением непоправимости и нереальности происходящего, имя которому – война. Когда недалеко от нашего дома в Киевском районе появились шины и бетонные блоки, я поняла, что наша жизнь больше не будет прежней.

Спустя несколько дней после начала военных действий мы уехали в Миргород, как все – на пару недель, пока все не нормализуется. Мы уезжали, когда наш город еще был гордым ухоженным красавцем. С тех пор я лишь грустно улыбаюсь, когда люди рассказывают о своих долгосрочных планах – уж кто-кто, а мы, в количестве миллион уехавшие из

Донецка ненадолго, знаем, насколько жизнь может внести свои коррективы. Домой я больше не вернулась. Но до сих пор пишу письма своему Дому...

Спустя месяц миргородской жизни мы переехали “рожать” в Киев, где живем до сих пор, периодически делая попытки бросить все и уехать в следующую новую жизнь, на нулевой уровень в какую-нибудь другую страну. Но жизнь снова возвращает нас в Киев. Моя младшая дочь – ровесница войны.

Сколько себя помню, я писала всегда – мне так легче было пережить и любое горе, и радость. Мне повезло с характером – я общительный человек, поэтому в первое время, в Киеве, пока все не знали, что делать, познакомилась со многими своими земляками. Такой концентрации боли, отваги, смелости, силы и мудрости, желания и силы жить вопреки всему, я никогда и нигде больше не встречала. И я начала писать о нас. Все это время я воспитываю дочерей, радуюсь тому, как взрослеет мой старший сын, который давно живет отдельно, пишу. Работаю мамой и психологом, уделяя много внимания именно нашим проблемам переселенцев, выступала с онлайн-докладом на всемирном психологическом конгрессе. Всем про нас интересно. Главное, что нам самим про себя интересно. Я искренне восхищаюсь своими земляками, их стойкостью, юмором, терпимостью, умением держать удар и не падать духом. Каждый раз, думая о нас, я вспоминаю слова Антония Сурожского про эмигрантов, по-

кинувших Россию в 1917-том: «Господь взял нас как зерна, и бросил во весь мир».

Это и про нас тоже – где только ни встретишь наших людей. За шесть лет (с 2014 года – прим. Редактора) мы дали свои всходы. Мы проросли сквозь все невзгоды, трудности и обстоятельства. Проросли и заколосились. Целое море людской пшеницы. Из хороших настоящих зерен, что пробилась к свету. И однажды мы принесем свои плоды. Только теперь – всему миру.

Дом

«С любимыми не расставайтесь...»

У нас с Домом – отношения. Настоящие. Встретились мы, когда я была молода, готова рискнуть и устала от скучных однообразных дней в компании маленькой двухкомнатной квартиры, с которой провела большую часть жизни. Не то, чтобы мне с ней было скучно – мне с ней было никак. По привычке я чистила и драила ее перед большими праздниками, покупала милые сувенирчики и обновки, создавала уют. Мы жили с ней, как в долгом браке по привычке – не замечая друг друга, накапливая недовольство «уставшими» отношениями.

Мне было тесно в ее небольших комнатах, и все чаще я мечтала о настоящей любви – с камином, просторным холлом, высокими потолками. Квартира больше не вдохновляла, хотя когда-то, давно, была для меня всем. «Крепостью» в детстве и местом, где можно было отогреться от ветров и невзгод «взрослой» жизни. В ней я первый раз влюбилась и разочаровалась в любви. В нее принесла новорожденного сына. Нас связывало много хорошего, но все это становилось незначительным, когда я мечтала – о доме...

От добра добра не ищут. Но человек всегда в вечном поиске любви и свободы. Мне стало трудно дышать – и поди знай – от давно знакомых стен это или от тоски зеленой, вдруг

поселившейся в душе... Человек – создание удивительное. Когда где-то или с кем-то становится неспособно, он ищет – где и с кем станет лучше. Мне было плохо – тесно и муторно. Я и подумать не могла, что дело не в ней, не в квартире. Дело во мне. Но я уже встретила Его... Дом своей мечты. Правда, очень отдаленно ее напоминавшего...

Вместо двух комнат – целых пять. Одна из которых – холодная и сырая, две – размером со шкаф-купе. Гараж – на две машины, больше похожий на трамвай – машины стояли в нем «паровозиком». Выход из кухни – в «сад», поросший огромными, доисторических размеров лопухами. Беседка, в образе кирпичной будки, какие обычно украшают лаконичной надписью: «Не влезай – убьет». И... предел моих мечтаний – камин, «перекроенный» из старой печи. Когда мы разжигали его, он весело и задорно плевался горящими головешками прямо в наш новый диван.

Дом жил совсем рядом с моей «бывшей», и я счастливо избежала тоски по утраченному – знакомым остановкам, магазинам, тропинкам и парку. Новый любимый – в старой жизни. В нашем романе было все – знакомство по объявлению и первое свидание морозным вечером. Неизбежное при знакомстве «вслепую» разочарование: «Я его совсем не таким представляла...». Надежда – «а вдруг это судьба...» легко переходила в сомнение – «квартира-то своя, родная, мы с ней пуд соли съели, а этот – голодранец, ремонта элементарного ни в одной комнате нет».

Завершилось все тем, что я объявила квартире, что ухажу. Насовсем. В другой дом. Квартира обиделась и долго не продавалась. Но однажды, почти впритык к сделке, появился покупатель – увидел квартиру и влюбился. В обе чистенькие вылизанные комнатки и веселую яркую кухню. И забрал ее – не торгуясь. Долгожданная свобода от надоевшей жилплощади неожиданно стала для меня – ударом. Мы провели вместе ночь перед «передачей ключей».

В пустых комнатах гуляло эхо. Сидя на полу, на матрасе, я вдруг впервые после начала «романа» с домом поняла, что расстаемся мы с квартирой серьезно и навсегда. «Вот ты как, – почти упрекала я, – первый встречный и ты, не задумываясь, уходишь с ним». «Этот, первый встречный, сразу полюбил меня такой, какая я есть. Он ничего не будет во мне менять», – резонно возразила квартира. Я почувствовала легкий укол зависти: «Как у них все сложилось...». Нам с домом только предстояло привыкать друг к другу. И что я в нем нашла?

С таким домом жить было нельзя. Его надо было менять и облагораживать, подгонять под свои жизненные стандарты... Когда друзья помогли перевезти вещи и затащили мебель в наше новое жилище, их лица стали похожи одинаковыми вытянутыми выражениями. «Что вы наделали?» – только и смогли выдохнуть они. И я, наконец, разрыдалась. Поздним вечером, прощаясь после застолья, друзья весело махали из окна машины сорванными в нашем «саду» ло-

пухами. Лопухи-гиганты примирили меня с новой действительностью. И начался новый этап – «жизнь с домом».

Оказалось, что ужитья с ним было не так-то просто. По ночам он скрипел половицами, кашлял и вообще вел себя непредсказуемо. Не так, как я представляла в своих романтических мечтах о новой любви. Наша первая ночь стала для меня кошмаром. Муж уехал по делам, а кошка, впущенная первой, буквально «повисла» на скользком стекле окна и пронзительно орала, пытаясь вырваться за пределы вожделенных пяти комнат. Я схватила ее и выскочила на крыльцо. Тут же, почти возле моего уха, кто-то надрывно закашлял – акустика ночью в частном секторе великолепная...

Покрывшись холодным потом, я оцепенело стояла в кружке света от уличного фонаря посреди двора, лихорадочно добывая из памяти обрывки всех, известных мне на то время молитв. Мне казалось – выйди я из круга – на меня набросятся все немислимые чудовища, в существование которых я почти поверила. Вернувшийся через час муж с трудом спас из моих рук полу-придушенную кошку и силой впихнул нас обеих в «новое жилище». В эту ночь мне так и не удалось уснуть... Почти с завистью я слушала храп супруга – его крепкая нервная система дарила ему роскошь сна где угодно.

Долго я еще не решалась снова провести ночь с Домом. Ночевала у родителей – в квартире, так похожей на мою бывшую... Надеялась, к осени ради меня дом изменится, приоб-

ретет «божеский вид», и я, наконец, смогу к нему привыкнуть. И у нас будет все серьезно. Но Дом и не думал меняться так быстро. И вообще – зачем, ведь это я сама захотела с ним жить. Придумала себе любовь... Бачили очі, що купували... Он был в возрасте, капризен, упрям, в нем водились мыши! Он привык к беспорядку, был захламлен и совершенно не парился по этому поводу.

Он и рядом не стоял с теми красавцами, что жили в моих мечтах. В конце концов, я смирилась с мыслью, что настоящим евро-домом мой не станет никогда. Одна радость – простор и свобода. С ним, неряхой, можно было до утра сидеть в беседке-будке и орать песни в караоке, любоваться звездами, лежа на плоской крыше, есть черешню с дерева, круглый год жарить шашлыки и сразу выбегать на свежий, только что выпавший снег. И я... полюбила эту свободу. И Дом полюбила. Как в песне: я его слепила из того, что было, а потом что было, то и полюбила. А потом мы с ним решили «рожать». Ну, в самом деле – зачем тогда и дом, если в нем не звучит веселый детский смех. Старшие дети подросли, и Дом как-то намекнул, что неплохо бы еще одного... И жарким июльским днем в нем появился еще один жилец. О, как Дом любил мою дочку! Как заботливо укрывал ее своей тенью, как нежно баюкал шелестом листвы в саду, когда там стояла колясочка со спящим ребенком! Сколько радости ей дарили бассейн – летом, «батуты» из листьев – осенью, прозрачные лужи – весной, «горы» из снега – зимой. Как счаст-

ливо дочка с ним росла!

Со временем Дом стал красавцем. Радовал глаз опрятным внешним видом, удивлял и покорял «миром внутренним». Казалось, живи и радуйся. Но, как и полагается в отношениях, мы устали. Я устала. Мне стало скучно с ним. Одна и та же люстра в спальне. Один и тот же вид из окна. Раковина в кухне – в самом темном углу. «Надо было другую мебель покупать. Или эту не так расставить. Как я хочу, чтобы у меня в кухне раковина была под окном!», – я забыла, как радовалась новому кухонному гарнитуру, купленному по случаю с огромной скидкой... Мне все чаще хотелось вырваться, побыть одной, без Дома. Казалось – он нависал надо мной своими стенами, требовал внимания, настаивал, чтобы мы как можно реже расставались. «Какой он все-таки несуразный! Простой квадрат, поделенный на четыре части», – я, вдруг, «прозрела». Он когда-то согласился со мной – стал «косить» под евро. Но не евро. У него была душа, я любила его. А потом что-то выключилось внутри. Мне казалось, во всех моих бедах, в моей неудавшейся жизни виноват он, связавший нас по рукам и ногам общим пространством и невозможностью уйти...

Я сходила с ума «в четырех стенах», как вдруг узнала, что снова беременна. «Рожай!», – сказал Дом. «У меня есть всё – уют, тепло, песочница, качели! Пусть он будет, этот малыш!». Меня не надо было долго уговаривать, я и сама понимала – для ребенка у Дома есть всё. Вот только меня не

было у дома. Заложница. Невыездная. Жуткий токсикоз лишил маневренности и возможности хоть немного побыть одной. А Дом укутывал теплом, топил камин, баловал удобной кроватью. Но мне тошнило. Казалось – от родных стен. Он не выдержал, «психанул» – полыхнул огнем из камина, закоптил черным потолки. Потом успокоился, «остыл», снова принялся баюкать. Иногда, втайне от него и ото всех, я мечтала о новом доме, новой жизни. Но куда я без него, беременная, с двумя детьми... Мы стали слишком зависимы друг от друга – Дом оживал в нашем присутствии, мы не представляли своей жизни без него... Не вырвешься. Повязан по рукам и ногам. Общими счастливыми воспоминаниями. Совместно нажитым имуществом. Разве можно оставить всё это? Это тебе не квартира. Это целая жизнь...

А потом начали стрелять... Дом поначалу успокаивал, но и он и я знали – стены из дерева. Подвала нет. По обоюдному согласию мы засыпали его в самом начале совместной жизни. «Зачем тебе это подземелье? Сырое и холодное? Нам не нужны тайны друг от друга» – настаивала я. «Делай, как знаешь!», – махнул рукой Дом. Он не захотел убедить меня в обратном – неизменно являл нашим глазам полузатопленную темноту... Мы строили дом для мирной жизни. А ему, старичку, 1947-го года рождения, всё же суждено было встретиться с войной...

– Уезжай! Тебе опасно здесь оставаться! – Дом смотрел на меня родными стенами в фотографиях, уговаривал.

– А как же ты? Как я без тебя? Кто будет любить и согревать моих детей? – перед неизбежностью расставания всё это снова приобрело особый смысл и ценность...

– Я не могу уехать с тобой. Я буду ждать тебя... дома. Через пару недель увидимся, – успокаивал Дом.

Мне очень хотелось верить. Но оглядевшись вокруг, «обласкав» взглядом каждый уголок, каким-то седьмым чувством поняла – увидимся не скоро... Всё ещё не доверяя себе, своей интуиции, я собрала лишь небольшую сумку вещей и позвонила по первому попавшемуся объявлению, где с фотографии на меня смотрел респектабельный красавец...

Растерянная, оглушенная расставанием, я отправилась к чужому незнакомому провинциалу. Он был гораздо моложе, на два этажа выше и на порядок комфортней моего. Словно явился из мечты – высокий, удачно спланированный, с двумя сануздами и балконом. Жил у реки, возле леса. Но когда я вошла в свежееубранный чужой комфорт, у меня защемило сердце... «Выстоишь? Дождешься?» – все мысли были об оставленном Доме. На кухне (светлой и просторной, с возделенной раковиной под окном) сердце ухнуло и забилось – столешница и плитка, как у моего...

С новым знакомым я провела часть лета. Каждый день звонила своему: «Как ты?» – спрашивала, замирая от тревоги. «Всё нормально. Жив. Черешни поспели, жаль, не попробуете в этом году» – он был немногословным.

Тот, другой, курортный красавец, привыкший к легким

летним романам и скоротечным отношениям, был озадачен. Он рассчитывал на «пару-недельный» роман, но вскоре перестал заводить случайные знакомства. Стал серьезным. Как мог, утешал – свежей клубникой с грядки, радугой, перекинутой прямо через двор, удобным шезлонгом в саду... Он помог мне пережить известие о том, что мой Дом больше не ждет меня. И что ребенка я не смогу принести ему, родному и надежному. Не решившись на предложение легкомысленного красавчика первое время пожить с малышом у него, я отправилась рожать в другой город. Имея в активе два чемодана, «беременный» живот, дочку, сына и деморализованного мужа, я пошла жить с «первым встречным», которого не смутил наш «набор». Простой деревенский работяга, он дал мне самое важное – покой и заботу. И маленькую детскую кроватку... В него я принесла новорожденную дочку и сама «родилась» в новую жизнь... Жизнь с ним была простая, доведенная до абсолюта. Минимум вещей. Минимум мебели. Минимум денег. Минимум людей. Всё – по минимуму. И всё – по максимуму. Высшая точка боли. Переживаний. Высшая точка несогласия. Не смирения. Не понимания. Не принятия. Говорят, к середине жизни время ускоряется. Моя жизнь раскололась на до и после в районе сорока. Две жизни – в одной. Вторая – мелькала быстро, неразборчиво, словно из окна летящего поезда. В каждом дне – несколько лет.

У моего «селянина» было всё, что нужно для счастья. И счастье у него было простое и незамысловатое – красивый

рассвет, тишина, урожай картошки на огороде. Душа, измученная и истосковавшаяся по родным стенам, «отдыхала» в стенах этого дома. Всё в нем было несуразно, странно, неправильно. И впервые в жизни я чувствовала себя спокойно и хорошо в доме, который плевать хотел на моду и комфорт и жил абсолютно другими стандартами... Я была так благодарна дому за его ко мне отношение, что спокойно приняла все «углы», «трещины» и тотальное несовершенство. Этот дом в небольшом селе навсегда стал домом моего «нового детства». В нем я делала «первые» неуверенные шаги в новую жизнь, училась радоваться простым вещам – солнцу, снегу... Потом «подросла» – рассеялось детское очарование простотой и неказистостью моего временного пристанища. Бытовая неустроенность, недосыпание и безденежье сплотились в серьезный «нервный» срыв, отменив сельскую нирвану. Мне и подумать было страшно, что с этим простофилей, безропотно терпящим перебои света, тепла и воды, мне придется провести всю зиму...

Расставались мы трудно. У меня уже был другой дом, а я всё ещё по вечерам возвращалась в деревню. Как хорошо было сидеть ночью в не-дизайнерской кухне, пить чай из шербленной кружки и молчать. Я вдруг поняла, что мне обязательно надо сюда возвращаться – набираться сил и тишины. Наверное, я поспешила с возвращением в «джунгли» многоэтажек. Решение покинуть «небеса обетованные» было на скорую руку. «Прощай – мне стали слишком малы твои

старые стены...», – «развенчала» я ценность простого уюта. Впереди ждали неизвестность и «взрослая» новая жизнь.

Пришлось пуститься «во все тяжкие». 40-летняя беженка с тремя детьми – особо выбирать не приходилось. Кто брал – к тем и шла. Сколько их было? Три? Четыре? Мы встречались, сходились, расставались. За несколько месяцев я привыкала к новому дому – прощала «слабые места», наслаждалась «сильными». В каждом, вспыхнув радостью, вдруг обнаруживала незамеченную вначале схожесть со своим – плиткой, обоями, цветами на окне... Каждый уговаривал забыть мой Дом навсегда, соблазняя то необычным дизайном, то потрясающим видом из окна, то уютным двориком со старой липой.

А я – не могу забыть... И не могу вернуться. Вот так, ни с тобой, ни без тебя. Дома, с которыми у меня «получалось», обладали всем для отношений. Теплые, уютные, комфортные. Но чужие. Не было в них вложенных лично мною – любви, души, нервов, лет жизни... Нам было хорошо вместе, но и они и я знали – это не навсегда. Мы вместе – на строго определенное количество времени. И когда я уйду, оставленный дом скоро утешится новыми жильцами. И снова будет любить – верно, преданно. И согревать. До окончания срока аренды...

Сейчас я с обычной «двушкой» – так проще. Стоило идти так долго и ступенчато, чтобы снова жить в маленькой двухкомнатной квартире... Станный феномен жизни по кругу.

Всё вернулось на круги своя – теснота и тоскливая неизвестность. Только эту квартиру – не продать. Наоборот, надо искать средства, чтобы быть с ней – красивой, но чужой и доступной... Хотя нет, в этот раз всё по-другому. И она, и я – свободны. Мы ничего не должны друг другу. Нас ничего не связывает. Мы не строим планов и знаем, что рано или поздно – расстанемся...

«Привет!», – радостно киваю ей утром. Она подмигивает мне испорченной проводкой. Заботливо включает плиту, в воздухе разносится запах кофе. Как хорошо, когда ничего не ждешь... Можно просто радоваться тому, что есть сегодня, в эту самую минуту. Дом... Его больше нет в моей жизни. Наши пути разошлись. Он не простит мне долгое отсутствие и желание быть счастливой без него... Но, Господи, как же хочется снова... полюбить! Когда устал и больше ни на что не надеешься, встретить Его... Повесить на стены фотографии детей, завести котенка и большую «бесполезную» собаку во дворе... И каждый день снова возвращаться ДОМОЙ.

И пусть мой новый дом, Господи, тоже любит лес...

День шахтера

В детстве я любила два праздника. Новый год и... День Шахтера. Про Новый год понятно. А почему день шахтера? Не рождения? В день рождения было скучно. Никто не вызывал пони и пиратов. Родители вызывали своих друзей и громко смеялись за столом. Если те были с детьми – повезло.

День шахтера – равно День Семьи. Утром мы, вооружившись букетом и подарком, всем составом шли поздравлять дедушку – мамино папу. Дедушка, имевший за плечами солидный, в пол жизни, подземный стаж на Засядько, в тайне млеет от сувениров и ярких переводных картинок.

Мы с сестрой хором поздравляли его, целовали в колючие щеки, азартно показывали новые переводки. Дедушка спохватывался, наливал в мисочку теплую воду, опускал туда новую красную розу, умывающуюся кошечку или морского конька и, затаив дыхание, ждал момента... Потом протирал «Тройным одеколоном» запримеченную для почетной миссии плитку желтого кафеля, которым лично отделал стены на кухне, и совершал таинство – приставлял к поверхности квадратик мокрой бумаги, осторожно смещал его в сторону, придерживая рисунок...

Мы с сестрой смотрели во все глаза и ждали. Когда вся картинка соскальзывала с бумаги на плиточный квадрат, мы весело кричали: «Ура!». По дедушкиным глазам было по-

нятно, что он тоже кричит «ура», но только про себя. «Ох и козы малИ», – говорил он вслух. На «коз» мы не обижались, потому что точно знали – дедуля во внучках души не чаял. В начале лета садился в самолет и отправлялся за младшей – Олянкой, на Западную Украину. Забирал ее у сына на все лето, делая меня счастливейшей из смертных.

Летом я обретала сестру и подругу. Расставались мы каждый раз одинаково – со слезами на глазах, и я подолгу, по несколько месяцев снова привыкала быть одной. Но день шахтера – был мой день. День, когда мы еще были друг у друга перед большой разлукой.

После поздравлений дедуля светился, и мы все садились за праздничный стол. То и дело звонил телефон – такой, как раньше рисовали в книжке про «Айболита» – красный, с белым диском. Бабушка снимала трубку, передавала дедушке, провод от трубки натягивался, распрямлялся... Дедушку многие помнили, любили, уважали, спешили поздравить. Редко удавалось посидеть спокойно за столом, без звонков. А мне не терпелось – дожидаться вечера. Вечером в жизни города происходили три замечательных, с моей точки зрения, события. Карнавал. «Огоньки». И салют.

Мы с родителями отправлялись в центр. Троллейбус довозил нас до Детского мира, а потом дальше все шли пешком. На Артема движение перекрывали. Вместо машин – стройные яркие колонны танцующих ряженных людей. Грузовики в цветах и транспарантах. Карнавал полз по централь-

ной улице гигантской гусеницей. Мы доходили в общем облаке праздничной эйфории до площади Ленина и оставались на «фонтане». Здесь, на «лобном месте» города я ждала второй порции счастья – наступления темноты и «огоньков». Так в детстве я называла праздничную иллюминацию – выкрашенные в разные цвета лампочки, прикрученные к плоскому основанию или картинке. Когда легкие сумерки спускались на город, я начинала нетерпеливо дергать родителей: «Пошли, ну пошли же!». Мы пешком направлялись в сторону дома. Во все глаза я рассматривала светящиеся фигуры – факел, роза, голубь, дом, солнце. Картинки не менялись с годами, а я смотрела и смотрела во все глаза... Потому что эти лампочки были про мой город, счастье, детство и лето.

Раскрыв рот и распахнув глаза, я смотрела на желтые россыпи огней. Если залп взрывался разноцветными огнями, по толпе людей проносился восторженный гул... Однажды орудия расположили как-то совсем близко, и большие яркие зонты раскрывались прямо над головами. Иногда салюта не было, и мы шли пешком до ДОНУГи, потому что невозможно было втиснуться в переполненный дежурный троллейбус. Там, на кольце, были шансы сесть в абсолютно пустой салон. Сидя возле папы, я дремала у него на плече – день шахтера и лето подходили к концу...

Чуть позже, когда мы стали взрослее – придумали зажечь в последнее воскресенье прощальный летний костер во дворе. Помню, как задыхаясь, мелись с первого на девятый этаж,

попутно вставляя в двери соседских мальчишек приглашения хенд-мейд – криво нарисованное красное пламя.

Вечером, сидя возле кучи хвороста на пустыре, волновались – придут не придут? Мало ли, посчитают несерьезным приглашение трех девчонок. «Пацанов» в подъезде было в разы больше – по три-четыре штуки на каждом этаже. С независимым видом они стали подтягиваться ко времени. Языки пламени взметались вверх, возле костра сидели уже не только наши, «подъездные», подтянулись друзья из соседних домов, из частного сектора, пришли взрослые. Они помогли нам раскапывать в золе горячую черную, пахнущую дымом картошку. Вечер вышел торжественным.

Потом я выросла. И стала ходить в город с друзьями. Куда-то подевались разноцветные лампочки. Потом снова появились. К ним добавились светящиеся экраны и реклама. К тому времени у меня уже был сын, и я попыталась возродить традицию вечерних прогулок по праздничному Донецку.

Сына перспектива смотреть «огоньки» не вдохновила. Новое поколение выбирает пепси. На работе я стала брать отпуск так, чтобы «захватить» и день шахтера – жуткая аллергия на амброзию гнала за пределы города и области. Но счастливые воспоминания об этом дне – остались навсегда. И то самое чувство, что ты живешь в большой, где все друг друга ценят и любят, семье. И собираются за «одним столом» в последнее воскресенье лета. Любая компания в этот день отмечала день города и день шахтера, добавляя по случаю

день рождения, если праздники совпадали.

Все мы – «одного поля ягоды». Дети одной земли. Почти у каждого есть или были в семье шахтеры. Некоторых беда коснулась в мирное время. Мой сосед погиб восемь лет назад – 13-тым вошел в забой и был 13-тым, найденным по списку. Родился он тоже 13-го и не боялся этого дня.

Мы всегда помнили и знали про хрупкость человеческой жизни. В городе, где в мирное время гибли мужчины, нас объединяло вот это соседство счастья и беды. Может быть, именно это знание сделало нас мудрыми и сильными – мы видели, как хоронят шахтеров.

Уже два года я не звоню дедушке, чтобы поздравить. Его больше нет с нами. Он ушел стремительно, всего несколько дней не дожив до своего праздника. А я не смогла попрощаться, не смогла проводить. Будь проклята война. Пусть этот пост будет для него – в День шахтера.

На любом празднике, он, уже совсем старенький, вставал и говорил: «Ни жывить уныло, ни жалить, що было, ни мичтайте, що будэ, бережить, що е...».

Пережить крах, или Об особой миссии переселенцев

Три года назад я прибыла в Киев в состоянии трех «Сильно». Сильно беременной, сильно потерянной и сильно подавленной. Переступив порог дома, который мы сняли, не глядя, на месяц – доносить, родить и подрастить, я чувствовала только усталость и отупение. Хотелось спать. Уснуть – надолго. И вместе с тем я понимала – после пробуждения ничего не изменится. События, стремительно набравшие обороты в наших жизнях, были вовсе не страшным сном, а самой, что ни на есть, реальной реальностью...

Я знала, что проснусь в чужом доме, в чужой постели, застеленной чужим бельем в нелепых синих розах. Поплечусь в чужую кухню, придерживая живущий отдельной жизнью большой живот. Выпью чай из чужой кружки, на которой выведено «Татьяна». Проживая изо дня в день «свое – не свое» утро, я отлично понимала, что нахожусь в чужом пространстве на правах временного жильца. Но не понимала, что моя упорядоченная жизнь стихийно продолжается... Для меня она зависла в режиме – переждать...

Как и большинство моих земляков, первое время я пребывала в спасительной иллюзии «скоровернемся». Не веря в происходящее, «не приходя в сознание...». Я отгоняла от себя любые мысли о том, что делать, если... Легче было не

думать. И верить.

Верить, что скоро все закончится, и мы сможем вернуться домой. Ну в самом деле – двадцать первый век на дворе! Какая война? Неужели будут стрелять – в огромном городе? Разве так может быть??? Мы жили... «временной» жизнью с оглядкой на ту, утраченную.

Легкомысленно покупая вроде бы нужные вещи, я бездумно тратила деньги, но очень трепетно выбирала – все купленное идеально подходило к интерьеру оставленного дома. Или наоборот – «экономила» – не покупала самое необходимое – в Донецке это было...

– Зачем покупать, если там всего полно? – раздраженно вопрошал муж. Я терпеливо объясняла: «Это для дома, давно надо было купить...». Муж неохотно лез в свой священный «бумажник» – покупки дарили надежду.

Однажды, лет двадцать назад, я попала в аварию – в рейсовый автобус на полном ходу въехал мерседес. Со своего сиденья я пролетела метра два вперед, к кабине водителя. Очнувшись, обнаружила, что сижу на грязном полу с разбитыми коленями.

На моем лбу вздулась огромная гематома, но позвонить родным меня сподвигло не плохое самочувствие, а вид разорванных, испачканных кровью колгот – не ехать же через весь город домой в таком виде...

Собравшись с силами, я встала и, шатаясь, вышла из автобуса. После нескольких неуверенных шагов в сторону те-

лефона-автомата, стоявшего поблизости (мобильного у меня не было), я поняла, что лучше вернуться – идти не получалось. На покинутое место, я вползла уже на четвереньках из-за нарастающей боли в ноге. Приехавшая на место аварии «скорая» доставила меня в больницу. Там и выяснилось, что я «ходила» звонить с переломом ступни и сотрясением мозга...

Не думаю, что сильно ошибусь, если стану утверждать, что первое время многие из нас, уехавшие «дней на десять» в отпуск, были в похожем состоянии. Как после внезапной аварии мы, «поломанные», с «сотрясением» бегали в горячке, не понимая, не чувствуя боли... Пытаясь втиснуть свои тела в новые обстоятельства жизни, мы таскали их по чужим улицам и проспектам, усаживали на лавочки, кормили... Сохраняли их жизнеспособность. Но не могли втиснуть в новые рамки свои души...

Души наши, израненные, тоскующие, бродили, в большинстве своем, за восемьсот километров от Киева. Да и мыслями долгое время мы оставались в родном городе, каждый час прочитывая неутешительные сводки новостей.

Почти одновременно тысячи людей испытывали похожие чувства, не понимая и не принимая происходящего. Мне казалось – я под стеклянным колпаком. Вокруг кипела и бурлила жизнь, но жизнь – не моя. Я была лишь наблюдателем...

Мне было странно видеть счастливых улыбающихся людей, когда на мой дом, мой город обрушилась беда. Как на

музейные экспонаты про прошлую спокойную жизнь я смотрела на людей, удобно и расслабленно расположившихся на газонах...

Их жизнь шла своим чередом. Они строили планы. Ходили в гости. Делали ремонт. Их обычная мирная жизнь не имела ко мне никакого отношения. Во мне плескалась спасительная пустота – мудрая природа отключила другие чувства. Сработал механизм защиты...

Это потом, спустя время, я поняла, что вместо переждать надо ПЕРЕЖИТЬ. Пережить свое горе – потерю малой родины, дома, друзей. Признать и понять, что прошлая жизнь разлетелась вдребезги, а ее небольшие фрагменты теперь умещаются в одном чемодане...

Меня «вытаскивала» в реальность мысль о том, что надо организовать пространство для появления и жизни младенца. Приходилось шевелиться – собирать по знакомым «приданое», искать, где отметить день рождения старшей, где родить младшую...

Начав по песчинке в аварийном режиме выстраивать другую жизнь, я и мысли не допускала, что эта жизнь – настоящая. Мы все уже строили что-то новое на новом месте, отрицая, отказываясь видеть масштабы трагедии...

Хорошо помню тот день, когда меня накрыло «осознание» – дошла непоправимость случившегося, и... пришла боль. Весной 2015-го, одним из последних автобусов «Шериф-тура», нам передали пару посылок.

В одной – вещи, в другой – наполненный школьными принадлежностями новехонький ранец, который я приготовила еще в Донецке. Мы не отдали дочку в первый класс осенью 2014-го, верили – «скоровернемся», и она пойдет в школу дома.

Сумку с ранцем не нашли после разгрузки. «Опять с нуля собирать ребенка!», – расстроилась я. Звонила перевозчику, умоляла, настаивала, просила помочь. «Нет посылки с этим номером! Приезжайте – поищите сами!», – они пошли мне навстречу. Все полки и пол на складе были буквально завалены вещами. Многие из них, видимо, были собраны уже на скорую руку – в клетчатые «баулы», выдавшие виды сумки, даже мусорные пакеты – неважно в чем, лишь бы «приехало» необходимое. Из растегнутых молний «выглядывали» кастрюли, электрочайники, воинственно торчали ручки от сковородок. Я долго не могла отвести взгляда от кукольной руки, будто протянутой ко мне из порванного пакета. Перешагивая через сумки, баулы, свертки, пакеты, я вдруг подумала, что переступаю через аккуратно пронумерованные и упакованные осколки жизней своих земляков, пытаюсь отыскать в этом океане разбитых ломаных жизней и свой кусочек. Именно вид этих простых домашних вещей, сиротливо-небрежно лежащих прямо на полу, «накрыл» меня больше, чем фото того, что осталось от Донецкого аэропорта... Больше, чем известия о жертвах и разрушениях. Больше, чем страшные сводки по моему району...

Свой пакет в тот день я так и не нашла. Но вернулась домой раненой. И впервые позволила себе плакать навзрыд, не сдерживая слез, и чувствуя боль... Я разрешила себе ГОРЕВАТЬ. Не стало «колпака». Я была живой и у меня было горе – прошлая жизнь разлетелась вдребезги...

Нагоревавшись вдоволь, я поняла, что ничего больше не остается, кроме как... жить дальше. Только уже с учетом и принятием того, что случилось. Я больше не была под наркозом «скоровернемся». И перестала покупать вещи в наш донецкий дом.

В перспективе была полная неизвестность и неопределенность – лучшие поводы для депрессий и схождений с ума. Что спасало в этой новой реальности? Земляки. Экскурсии. Знакомства. Встречи. Поддержка. Рассказы о том, как другие выживали. Понимание – что нас много...

Донецких-Киевских теребили свои же: «Эй, ау! Экскурсия для детей на «Рошен». Мастер-классы для взрослых! Психологическая игра! Лекции! Зоопарк!». Как Федя из «Операции Ы» – я торопливо делала шаг вперед на любое предложение.

Девчонки из Гуманитарного штаба затеяли концерт и ярмарку. Собранные деньги – для отделения детской онкогематологии Киева. На ярмарке наши продавали вкусняшки собственного приготовления. В концерте принимали участие дети переселенцев. Впервые на большой сцене пела моя дочь. Ольга Ракицкая пела «Мой город», а я, глотая сле-

зы, любила всех, сидящих в зале... Потом будет еще много встреч и концертов. Но эти первые, наполненные живым участием и острой болью, буду помнить всегда...

Могла ли я представить несколько лет назад, что именно Киев подарит мне возможность познакомиться со столькими земляками, что я ни в жизнь не перезнакомилась бы с ними в Донецке? Что именно Киев подарит мне возможность узнать лучших из лучших? Подарит новых друзей, судьбоносные встречи и способность любить тех, кто оказался со мной в одной лодке. Киев изменил нас, сплотил и закалил. Он сделал крепкими и выносливыми наших детей, научив их справляться с трудностями, быть самостоятельными.

Недавно я встретила методиста из университета, куда в 2014-ом при счастливом стечении обстоятельств перевелся учиться мой сын. В этом году он бегал с работы на экзамены, с зачетов на работу, вертелся волчком, чтобы закрыть последнюю сессию и сдать "госы".

– Знаете, я по-особому отношусь к тем детям, что приехали тогда учиться из-под обстрелов, – с гордостью в голосе сказала она. Они взрослые совсем. Целеустремленные. Сильные. И очень отличаются от своих киевских сверстников, которые избежали потрясений.

– За вашими детьми – будущее! – торжественно завершила методист. Мне казалось, что постепенно, по мере ее рассказа, я становлюсь выше и шире в плечах. Наши дети поднялись после удара и идут рядом с нами. Будущие сильные

взрослые. А мы... чаще и охотнее киевлян рожаем новых.

* * *

Самое страшное проклятие у китайцев – чтоб твои дети жили в эпоху перемен. Но вот парадокс – в жернова перемен попали не только мы. Переменами охвачена вся страна. И именно мы, жители неблагоприятного региона, нашли в переменах смысл и конструктив.

Мы не стали жертвами. Пережили потерю – малой родины, дома, бизнеса, крушение жизни и... не погибли. Оказались больше и сильнее всех свалившихся на нас обстоятельств. Сильнее страха, боли и неизвестности. Мы живем дальше. И даже научились быть счастливыми и благодарными. Мы выросли духовно и окрепли. Те же мудрые китайцы слово кризис составили из двух иероглифов. Один означает «опасность», а другой представляет собой «возможность».

Пройдя полную перезагрузку, переоценку и реформирование своих жизней, мы стали, не побоюсь быть необъективной – практически новой формацией людей. Людей, адаптированных к любым жизненным обстоятельствам.

Смею думать, что у Господа Бога в отношении нас – большие планы. Потому что, судя по событиям последних трех лет, в нашем крае скопилось огромное количество жизнестойких, жизнелюбивых и жизнерадостных людей. Наверное, нас просто распределили – для баланса.

Мы не в изгнании. Нет. Мы – в послании.

Билет в одну сторону или о счастливых переселенцах

Когда-то, давным-давно, мы, встревоженные и растерянные, садились в переполненный вагон миргородского поезда. Как и большинство пассажиров, уезжали из родного города на «пару недель» до какой-то «определенности», легкомысленно взяв с собой лишь небольшой чемодан с летними вещами – июнь [2014 года] выдался жарким.

В мельчайших подробностях помню бессонную ночь в плацкартном вагоне – одинаковые выражения на лицах людей, духота, долгие остановки, когда пропускали «встречку» (железная дорога уже была повреждена), тягостное молчание и ощущение нереальности происходящего.

Из Миргорода в столицу мы перебрались спустя месяц «курортной жизни» – «рожать» младшую дочку. Остались до «пока малышка немного окрепнет» и наступит таки, вожделенная «определенность». Новорожденная киевлянка подрастала, а в родном городе обстановка только накалялась. Речь о возвращении заходила все реже.

В декабре 2014, в самый разгар «трагедии», ФБ всколыхнула пронзительная статья о горькой судьбе переселенцев. Обливаясь горячими слезами на каждой строчке, я поставила свой лайк в печальной ленте. Тогда, зимой 2014, мы примеряли на себя роль «изгоев», «чужаков», «без вины ви-

новатых», никому не нужных, неприкаянных людей, кем-то метко обозначенных краткой аббревиатурой – АН. «АН и ВВ просьба не беспокоить...» – фраза, замечательно характеризующая наше тогдашнее положение. Мы оббивали пороги больниц, школ, детских садов, пытаясь пристроить своих детей. Мы узнавали, где можно произвести на свет детей, еще не родившихся. Мы искали жилье, работу, средства к существованию и силы для того, чтобы выжить. Мы надеялись на скорое возвращение и страдали от несправедливости. Мы были никому не нужны...

Выживали – как могли. Выстаивали километровые очереди в Собесах и постили объявления о раздаче продуктовых наборов и памперсов. «Позволяли» себе лишь бесплатные мероприятия для детей и мастер-классы для взрослых. Хатично металась в поисках любых возможностей – от обретения новых знаний до бесплатного медицинского обследования. Учились обходиться малым, привыкая к «меньшим» площадям квартир и большим расстояниям огромного мегаполиса.

Сочетание двух заглавных букв «АН» – стало именем нарицательным для почти миллиона людей. И только мы знали – какая боль стоит за этим безликим «АН». Нас осуждали и предлагали вернуться туда, откуда пришли. Наши дети допускали ошибки в диктантах, привыкая к школьной программе на украинском языке. Нам далеко не все сочувствовали, а некоторые откровенно ненавидели. Наши машины

«обижали» и ругали больше других. Буквы АН и ВВ на номерах – стали практически клеймом. А мы взяли – да и полюбили свое клеймо!

Устроили «АН-день» и ударили автопробегом по «бездорожью» и предвзятому мнению о донецких. Создали свою группу в ФБ, перезнакомились и «передружились». Радостным клаксоном приветствовали друг друга на дорогах, и улыбались до ушей, если вдруг случайно «идентифицировали своих» в городе. Вышли на площадь и новый уровень сознания. Потеряли себя. Нашли себя. Пережили серьезную переоценку ценностей и практически весь спектр стрессов и кризисов, которым может подвергнуться среднестатистический современный человек в социуме на протяжении ВСЕЙ жизни!

Узнали себя в новом качестве. Попробовали себя в новом деле. Передумали. Попробовали еще в одном. Открыли кучу новых и старых бизнесов прямо в сердце столицы. И на ее окраинах. И в области. Врачи стали печь хлеб. Юристы рисовать. Бизнесмены организовывать детские фестивали. Утонченные жены стали фермершами. Легкомысленные мужья – ответственными отцами. Наши дети оказались талантливыми, самостоятельными и способными. Наши старики – стойкими и мудрыми.

К тем врачам, что устроились в киевские клиники – серьезная запись на прием не только из земляков, но и из привыкших к «лучшему» киевлян. Наши стоматологи дав-

но улучшают не только донецкие, но и киевские улыбки и прикусы. Наши мастера стригут и «тюнингуют» в салонах и донецких и киевских красавиц. Наши земляки поют, рисуют, расписывают, побеждают. Наши дети занимают призовые места в конкурсах, олимпиадах, соревнованиях, всеукраинских шоу. Машины с «восточными» номерами стоят возле Храмов во время службы. У нас рождаются новые дети, теперь уже киевские-донецкие...

И знаете что? Произошло чудо – клеймо стало брендом. И пусть те, кто до сих пор брызжет ядом по нашему поводу, закидают меня помидорами. Мне не жалко. Наверняка есть кто-то, кто изобрел и скоро представит нашему вниманию замечательный АНовский пятновыводитель... По-моему, из всех возможных товаров и услуг, представленных нашими земляками, на данный момент не хватает только пятновыводителя.

Недавно ФБ снова всколыхнул очередной пост. Только переселенцы в этот раз не плакали, а ржали. Ржали больше недели над всеми своими бедами и мытарствами, «каялись» в несовершенных, но приписанных им мыслимых и немислимых грехах и преступлениях. Смеяться над своими бедами – удел сильных духом людей. Нас, наверное, не полюбят так, как мы этого хотим. Но самое важное, что мы сами полюбили себя, свою новую непредсказуемую жизнь и друг друга. Стали гордиться достижениями и победами своих земляков.

Помните, как в фильме «Любовь и голуби»? «Ну и пусть, что она была – разлучница наша. Зато вона как показала – как я тебя люблю, и как ты меня любишь...». Мы друг друга любим. Поддерживаем, утешаем, лечим, советуем, угощаем, подкармливаем, смешим. Мы вместе плачем и вместе смеемся. Вместе болеем и вместе выздоравливаем. Продолжаем жить и побеждать. Мы живем. Живем по-настоящему. Живем вопреки всем бедам, свалившимся на наши «пересчитанные» головы. Наш бренд развивается, завоевывает рынок и процветает. Становится популярным. Побеждает в конкурентной борьбе. Мы в тренде, господа!

Наш билет в один конец оказался счастливым...

Шел четвертый год войны (Примирение)

В будний день Киев бежит. Мчится по лестнице успеха и мотивации, надев удобную обувь, рваные джинсы, пристроив за спиной рюкзаки. И в пробках он бежит. По хмурым лицам, по ходящим желвакам водителей очевидно – в мыслях они далеко – мчатся на огромной скорости.

Другое дело – выходной. Улицы пустеют. Удобные мокасины и рваные джинсы наводняют парки, скверы, набережную. Дороги свободны. Киев умеет отдыхать – остановиться в пятницу, выдохнуть и пойти в субботу в парк всей семьей. Это меня и поразило, и покорило – одновременно.

Когда мы прибыли в Киев, я тоже побежала. Настолько, насколько позволял мне беременный живот. И муж побежал. Точнее, поехал. Моя машина еще оставалась в Донецке, да и мое состояние не сильно соответствовало напряженной езде в огромном мегаполисе. А муж – сел за руль. Поначалу – его гнал страх. Самый первый и самый главный страх вновь прибывшего сюда – пропустить нужный разворот или развилку. Навигатор лаял, вещая за пять секунд до маневра: «поверните направо». Муж, не ожидая подвоха, уверенно шел в левом. Не раз, сидя на пассажирском сиденье, я наблюдала, как после «роковой» фразы: «Вы ушли с маршрута», произнесенной равнодушным металлическим голосом, взгляд су-

пруга становился стеклянным, а костяшки пальцев белели – с такой силой он вцеплялся в руль. Наученные горьким опытом, мы уже знали – до следующего разворота километров десять... В лучшем случае найти путь выходило со второй попытки... Однажды мы поехали на Оболонь. Майдан был еще недоступен – на всех подходах к нему штабелями лежали шины. Неэрудированный прибор «тыкал» нас во все ходы-выходы, через Хрещатик – проезда не было... Когда в очередной (чуть ли не десятый) раз мы протряслись по брусчатке и снова уткнулись в ряды черной резины, я не шутку испугалась – родить прямо на Майдане...

Каким чудом мы тогда выбрались – уже не помню. А состояние полной неопределенности за рулем, мне довелось впоследствии испытать еще много раз. Поездка по загадочным и разбитым дорогам Киева с навигатором – сродни перелету – как пройдет, среди каких циклонов и фронтов – неизвестно...

Жизнь за городом диктовала свои условия, поэтому, когда муж героически вывез оборудование и пригнал мою машину из Донецка, я часто стала «проживать» дни за рулем. Каждую неделю надо было возить малышку в больницу, да и спала она крепко и долго – только в машине...

Иногда, оглядываясь на прожитый день, я вдруг осознавала, что львиная его доля прошла в поездках по городу и пробках. Основными статьями расходов в Киеве стали аренда и бензин. Кроме того, огромные расстояния безбожно

крали самый ценный ресурс – время.

Предприимчивый кот Матроскин давным-давно «ввел» принцип выживания на новом месте: «Ничего не делать, только экономить». Сокращая бешенные «траты» времени, я старалась не «распространяться» по городу в радиусе дальше, чем семь км.

Трату денег корректировала сама жизнь. Статьи расходов исчезали одна за одной. Вместо основательной поездки в супермаркет – пятиминутный забег за молоком и туалетной бумагой в ближайший ларек. Вместо грандиозного шопинга – торжественная покупка носков в переходе. Но я по-прежнему уходила «в минуса». А фраза «время – деньги» работала исключительно в обратку – чтобы меньше потратить, времени уходило немеряно. Наша «экономия» зашла в тупик – после долгого изнурительного поиска жилья по адекватной цене сняли квартиру – по «бешеной».

Со временем тоже проблема – прожигать дни жизни было не за что, но эти самые дни начали лететь так стремительно, что мысль о начале четвертого лета в Киеве, мягко говоря, меня озадачила... Я сверилась – 2014, 2015, 2016, 2017... Подумать только, а вроде как вчера было...

Вот только вчера время тянулось мучительно медленно, а я сама себе напоминала муху, застывшую в янтаре. Сегодня, оглядываясь на прожитый «киевский» период, понимаю – три года пролетели на одном дыхании, на одной ноте, в одной тональности и одной цветовой гамме.

Ре-минор, пятьдесят оттенков серого. Сначала дыхание перехватило как от удара – не отдышаться. Хватая ртом воздух, как пойманная рыба, я замирала от страха, экономя, боясь расплескать последние силы. Вдохнуть глубоко, окунуться с головой в новую жизнь и поплыть вышло не сразу.

Говорят, чтобы понять, что в тебе произошли перемены – надо сверяться с собой, с прежним. Оглянуться назад. Посмотреть – кем ты был. И кем стал. Что ты делал. Как думал. И что думаешь и делаешь теперь? В 2014-том в Киеве я была новорожденной – беспомощной и жалкой.

От первого вдоха новорожденный заходится в крике. Наверное, от страха, боли и неожиданности. В 2014-м я, в основном, боялась и плакала. И ждала того, кто пожалеет, успокоит, накормит и убаюкает. Говорят, чтобы перестать жалеть себя, надо найти того, кого жалеть. Жалеть было детей. Чужих, что гибли и сиротели. Своих. Месячную малышку, кочующую с нами из дома в дом в выдавшей виды люльке. Вторую дочь – она сильно тосковала по дому... Старшего сына – он еле ноги унес из-под обстрелов, поначалу не восприняв всерьез происходящее.

Тогда, в 2014-м, шла массовая переоценка – люди, в одночасье лишившиеся жилья, имущества, доходов, во главу угла начали ставить возросшие в цене – любовь, семью, теплые отношения, верность, преданность, поддержку. Появилось время на другого.

А больше ничего ценного не осталось. Только люди – друг

у друга. И Слава Богу. Война вскрыла всю неправду, в которой мы жили. В один миг показала – насколько надуманной и неискренней была иногда жизнь... И что на самом деле важно... Жаль, что так высока цена у этого урока...

Лето 2015 отличалось всеобщей апатией. Уже никто никому не рвался и не спешил. Люди продлевали договоры аренды, искали новое жилье. Оформляли пропуска, решившись проведать дом. Возвращались – подавленные и растерянные. В Киеве было непросто. Дома – невозможно.

Меня не пустили в Англию. С докладом о беженцах я собиралась на первый психологический конгресс в Лондоне. Европа интересовалась, что у нас и с нами происходит. Для Европы – войны в Украине нет. Откуда беженцы? Визовый офицер взвесил все за и против, и поставил штамп отказа.

Муж вывернулся наизнанку – купил путевку на море. Не куда-нибудь – в Болгарию. Установил в машине газ. Пансионат – совок. Но как хотелось вспомнить «прежние» довоенные времена, когда в отпуск – по три раза... Выехали двумя семьями. Четверо детей. Тысяча пятьсот километров. Кто нас умными назовет? Впереди – десять дней «отрыва» и новая аренда. Но аренда – через месяц. А море – через сутки. И желание – острое, обжигающее – побыть такими – безбашенными, позволяющими себе, транжирами, не думающими о завтра, какими были до войны...

Конечно, время пути мы не рассчитали. Конечно, были форс-мажоры. «Полетел» установленный газ. Мы глохли в

полях. Ночевали прямо в машине, возле заправок. Когда утром, наш «табор» врвался в здание АЗС в поисках туалета – на заправке становилось шумно и оживленно. Побомжатски, но с большим достоинством, мы заказывали бесплатного «кипятку». Потом на улице раскладывали свои запасы, заваривали чай, овсянку и детскую смесь. Романтика... Шутили, что теперь у нас, странников, уйма возможностей не париться по поводу аренды – «жизнь – путь». Грустным было возвращение – не домой. Из отпуска, из любой точки мира я всегда стремилась домой. Дни возвращений, когда уставшие, полные впечатлений, мы вваливались в прихожую – невероятные дни. Чувство, что твой дом ждет тебя – невероятное чувство...

Лето 2016-го порадовало повышением цен, озадачило поиском нового жилья и подарило озарение – я полюбила Киев. Это стало очевидно перед возникшей – реально и неотвратимо – перспективой нашего расставания. Возможно – навсегда. Муж настаивал на отъезде. Единственное, на что удалось уговорить супруга – поехать первым. А я осталась – подтянуть «хвосты». У меня был месяц форы, и я вдруг поняла, что город, в котором мне было так трудно на протяжении двух лет, незаметно, тихой сапой, ничего для этого не делая, проник в мое сердце... Больше двадцати лет назад после свадьбы мы поехали с мужем в Киев. На уикенд. «Знаешь, я смогла бы жить здесь», – сказала я тогда мужу. Мы стояли на одной из смотровых площадок, и у меня дух захватило

от вида освещенного города. «Не смейся, что мы тут будем делать...».

Киев был для меня чужим. Город – бунтарь. Город – интеллигент. Город – загадка. А какой он видел меня? Кем я для него была? Испуганной провинциалкой – когда по иронии судьбы даты моей единственной командировки в столицу совпали с датами «оранжевой» революции. Транзитным пассажиром – когда в долгожданный отпуск вылетали из Борисполя. Студентом – когда приезжала на очередной семинар. Какой встречал меня после отпуска Киев? Какой видел в окружении друзей и коллег? Радостной, увлеченной, расслабленной, отдохнувшей. Все мои поездки в Киев были яркими, связанными со счастливыми событиями. Гостьей я была – званной и долгожданной. Город принимал меня на несколько дней и отпускал на все четыре стороны. В роковом 2014-м мы явились в столицу не из счастья. Мы приехали из беды. Розовые очки разбились, а Киев вдруг предстал перед моими глазами совершенно другим – захлавленным, загазованным, запутанным, дорогим и не слишком приветливым. Одно дело – когда гости приезжают на пару дней с подарками. Совсем другое – когда неизвестно на сколько...

Такую – раздавленную, жалкую и плачущую, Киев меня еще не видел. И не знал, что делать со мной такой... Стоял в сторонке, наблюдал, ждал. Признал моего младенца – вручил свидетельство о рождении. Новая киевлянка – без прописки. Старая дончанка – без кола и двора. И только нака-

нуне грядущего отъезда, мы «встретились». Киев и я. Возле дальнего озера в Голосеевском парке. Я сидела возле самой кромки воды, любовалась кувшинками и подумала, что мне будет этого озера не хватать. И зелени парка. И Киева. Киева. Я не вспомнила о Донецке...

Муж передумал уезжать. Вернулся. Оставшись в этом городе с непростым характером, я все больше теряла голову от красоты и прохлады парков, от бездонных глаз-озер, от звона колоколов, от мощеных улочек, от высоких елей вдоль трасс. Киев медленно прорастал в меня...

Говорят, не важно, что снаружи. Важно, что внутри. Но выходило – то, что снаружи – рождало внутри меня новое, абсолютно другое. Смелость сделать то, на что раньше бы не решилась. Отвагу – снять маски и встретиться с собой. Азарт – из хаоса создать новое. Легкость – идти дальше. Мой первый вдох – вдох новорожденного резкий, болезненный – был в 2014-м. За три киевских года я прошла сложный путь. Росла и крепла моя новорожденная дочь. «Вброшенная» в другую жизнь, я, как и она, тоже пыталась держать голову, садиться, ползать, делать первый шаг... У детей до определенного возраста нет страха. Пока они познают мир, развиваются, исследуют новое. В новом, «новорожденном», качестве я перестала бояться – не то надеть, не то сказать, не то сделать. Не так выглядеть, не так жить, не так думать. Когда нечего терять – страх исчезает.

Остается – сама жизнь. Три года я не могла вдохнуть и

впустить в легкие тугую свежую струю новой жизни, чтобы голова пошла кругом и сердце заколотилось, сбилось с ритма. Жизнь проходила мимо, цепляя, разворачивая в разные стороны, больно задевая острыми углами. Первое время у всех был стоп-кадр. Люди замерли посреди своих жизней, затихли. Кто-то «пережидал», кто-то думал «вот-вот вернуться», кто-то «завис» – не знал, как жить дальше. Остановились. Выдохнули. Вдохнули. Втянутый с трудом воздух обжег душу. Получился крик.

Делали вдох, кричали и рождались – в новую жизнь. В новые города. В новое время. В новое ощущение себя. Всем по второму шансу – начать жизнь сначала. С периода «ново-рожденности». С нуля. Полное обнуление. И правда – чтобы выплыть надо достигнуть дна и оттолкнуться.

В 2017-м, окрыленная любовью к чужому городу, я смирилась со сменой места жительства и, как все жители, побежала. Вошла в поток – «многодел». И тут же сделала открытие – если бежать в ногу со временем, то его катастрофически не хватает... на жизнь. Удивительно – «застываешь» – жизнь проходит мимо. Бежишь – она ускоряется и бежит в три раза быстрее. Ты ей – первый выполненный пункт плана, а она тебе в ответ – десять. Ты из кожи вон лезешь – выполняешь десять. Она тебе – сто. Как обрести равновесие?

– Слушай, ты, наверное, обижаешься, что я редко звоню, – «повинилась» по телефону сестра, давно осевшая в Киеве. С момента нашего «аварийного» переезда мы виделись, от

силы, раза три. «Время бежит – от отчета до отчета, полугодиями», – вздохнула она.

Столица нещадно ворует время. Сжирает в пробках, расстояниях, в очередях, в кофейнях с вайфаем. . . Обкрадывает любого, кто зазеваётся. «Чистит» карманы даже у наблюдательных и расторопных. Если ты не гость города, твой тайм-менеджмент в аварийном состоянии. Пока я была «в спящем режиме», потом «перегружалась», время тянулось мучительно медленно. Как только попала в тему и побежала вместе с Киевом – стала донором минут и часов своей жизни. Недавно мне повезло – остановиться. Не замереть, не застыть, а именно – остановиться. Всю неделю я собирала документы. Венцом моей деятельности стала сдача внушительной кучи бумаг в нужную организацию. Когда я вышла из офисного здания – внутри меня было гулко и пусто. Все мысли и эмоции остались за дверью небольшого, забитого папками кабинета.

С удивлением я подумала, что в полдень пятницы, совершенно не помню событий прошедшей недели. Когда-то прочла – человек проживает не временную жизнь, а эмоциональную. Жизнь его складывается не из количества прожитых дней, а из количества и качества эмоций.

На что я потратила пять дней жизни? На бумажки и усталость. За проглоченную временем неделю я запомнила только тревогу и желание выспаться. А когда жила? В отличие от Пятачка, который до пятницы был совершенно свободен,

я до своей пятницы добралась сквозь тотальную занятость. Неужели для того, чтобы выйти из пожизненного «забега» на длинную дистанцию надо потерпеть полное фиаско? Что меня остановило и дало возможность посмотреть на свою жизнь? Война. Но должны же быть менее радикальные меры редактировать жизненный путь?

Столица диктовала свои правила – до дома на машине тридцать минут езды. А еще – заскочить в пару мест по дороге. Дома надо быть максимум через час. Надо бежать... Навигатор подсказал – направо. Направо была развилка. Я выбрала – взять правее, и пропустила нужный первый спуск. Набережное шоссе стояло. Плотная лента машин растянулась на несколько километров вперед. Мне ничего не оставалось – как плавать в серьезной пробке – кондиционер с весны не подавал признаков жизни. Сидя в душном салоне, я физически чувствовала утечку своих минут. Прямо надо мной нависал пешеходный мост на Труханов остров. Накануне мне о нем рассказала знакомая, назвав «местом силы». Три года я проезжала под этим мостом, мельком, на скорости замечая идущих по нему людей или сумасшедший быстрый спуск над Днепром на тарзанке...

За три года я так и не нашла время неспешно побродить по приютившему меня городу, побывать в самых потаенных уголках его души, узнать его тайны, его слабые и сильные стороны. Так... сошлись и жили вместе, ничего нового не узнавая друг о друге.

– Чем сидеть, медленно закипая от жары, лучше уж на мост сходить, – приняла я решение. Дотащившись в еле ползущем потоке машин до первого места, где можно было припарковаться, я заглушила двигатель и пошла воплощать в жизнь одно из лучших своих решений.

Когда я взошла на мост – огромными и значительным стали небо и облака, а тысяча машин, растянувшаяся по шоссе – уменьшились в размерах и утратила свое значение. Где я, а где пробка. Сверху с моста моя жизнь казалась гораздо больше и значительнее досадной ситуации на дороге. А момент, когда я это поняла – был гораздо круче, чем вся прошедшая неделя. В эту минуту, из вороха дел, забот, обязанностей, трудностей и неприятностей появилась я. Возле кофейного ларька на острове я притормозила – всегда мечтала выпить кофе на берегу Днепра, у самой воды. День исполненных желаний...

Присев на пень под раскидистой липой, потягивая кофе из стаканчика, я вбирала, впитывала в себя каждое мгновение внезапно перепланированного самой жизнью дня. Все вокруг меня приобретало какой-то сакральный смысл, а любая мелочь имела значение.

Моя липа, в густой тени которой я отдыхала, оказалась – двумя. Деревья прочно срослись стволами, у основания слившись в одно мощное сильное дерево с общими корнями и двойной кроной. Почему-то подумалось про нас. Выходцы из одной земли с общими корнями и бедами. Сплестись бы

корнями, расстись стволами и держаться...

Над водой пролетела чайка. Она шла против ветра, трудно и помалу продвигаясь вперед. Что придавало ей сил? Оставленное гнездо? Голодные птенцы? Крупный косяк рыбы? Можно ведь расправить крылья в попутном потоке и парить – не напрягаясь. Временами птица садилась на опоры моста – передохнуть. Потом снова взмывала, сопротивляясь.

Совсем как мы – машем крыльями и гребем всем ветрам и течениям назло. Садимся передохнуть, но потом снова взмываем в воздух, пробуя набрать высоту... Наши гнезда покинуты и разрушены, а нашим птенцам нужна рыба... Чайка постепенно исчезла из поля зрения – то ли ветер ослаб, то ли она поднажала.

По реке весело бежал прогулочный катер. Когда-то и мы катались на таком, будучи в Киеве проездом. Тогда я жадно ловила возникающие перед глазами виды, старалась сделать побольше кадров. Сейчас поймала себя на мысли, что спокойно отношусь к достопримечательностям. Не потому, что мне все равно, а потому что внутри живет уверенность – увижу, успею. Я больше не гость в этом городе. Желанный или незванный. Не транзитный пассажир. Не турист, жадный и падкий на красивые виды. Теперь я – их полноправный владелец. И обладаю этой красотой наравне с киевлянами. Я – часть этого города. Я – его житель.

На противоположном берегу, прямо напротив того места, где я сидела, на бетонном ограждении крупными буквами

надпись – «без меж». Тоже про нас. Это раньше мы были ограничены своими стенами. А сейчас – «наше счастье жить такой судьб-о-о-ю» – и можно в кругосветку по донецким...

Сегодня я не строю далеких планов. По крайней мере, Труханов остров, в моих планах вообще не значился. А вот поди ж ты – больше часа просидела на берегу Днепра, наблюдая за людьми и птицами и удивляясь, как иногда похожи их жизни. А могла бы, как всегда, остаться в машине. В небе торжественно плыли облака. В голове я торжественно посвятила себя в киевляне. В душе крепла и возрастала уверенность, что главное в жизни – сама жизнь. И личное дело каждого – как ее жить. Бежать, ничего не замечая вокруг, или остановиться и выбрать верное направление.

На земле, в небе, на водной глади реки и в душе разлились сотни радужных оттенков. Все цвета, кроме серого...

Минута молчания – серия очерков

«Мы не выбирали ни страну, где родимся, ни народ, в котором родимся, ни время, в котором родимся, но выбираем одно: быть людьми или нелюдьями.»

Патриарх Сербский Павел

Временное постоянное

Раньше я была твердо убеждена, что живу в одном из лучших мест на земле. Если стать лицом к восходящему солнцу, то, как в сказке – налево будет лес, направо – море. Все – в двух часах езды. И все два часа вдоль ленты дороги до горизонта – бескрайние просторы. Степь и поля.

Нет цунами, смерчей, извержений, землетрясений. Все времена года – в наличии. Лето утопает в зелени, весна – в цветах. Осенью – золото. Зимой – белым-бело. Однажды, поддавшись на уговоры дочери, я, пересилив страх, посмотрела в иллюминатор, когда самолет снижался над Донецком.

Внизу причудливой мозаикой лежали светлые прямоугольники пшеничных полей, ярко-желтые подсолнечные, черные – озимые. Разделенные темными лентами дорог, зеленью лугов и ровными рядами тополей, с высоты они выглядели, как дорогие, ручной работы, ковры.

Воздух в Донецке был ужасным. Зато атмосфера – живой и непринужденной. Сейчас, говорят, все наоборот. Но три года назад мне было уютно и тепло в своем городе, я укутывалась в него, как в мягкий плед, бродила по его улицам, дышала. Вдох – Донецк. Выдох – Донецк.

Однажды он исчез из моей жизни. А мне остались только воспоминания. И когда я начинаю отчаянно мерзнуть, то вспоминаю свой город прежним – красивым и живым и... согреваюсь. Чаще всего я мерзну летом. Наверное потому, что из отпуска надо возвращаться – не домой.

Уже четвертую осень я встречаю с другим городом. В эту, четвертую по счету осень, я уже не думаю о том, что все, что происходит сейчас – временно. На время – район и город, на время – очередная квартира и школа. Вышло, как в поговорке – временное на удивление постоянно.

Сила традиции

Первого сентября на школьной линейке объявили минуту молчания. Два сентября назад я искренне верила, что эта минута не безмерна. И подумать не могла, что с каждым годом она станет вмещать все новые и новые скорби. Четвертый год подряд это молчание тяжелеет...

О чем молчат люди в такую минуту? О безвременно ушедших и безвозвратно утраченном. О том, что в длинном нескончаемом списке потерь так и не поставлена жирная

точка. И слезы, выступившие у некоторых на глазах, были честнее любых, самых проникновенных, слов.

Мое молчание было – о бессмысленных смертях и разграбленном израненном городе. О мире, так давно утраченном в нашей стране и наших душах. О радости, что давно и бесследно исчезла среди степей, блок-постов и прозрачных коробочек волонтеров с надписью «на нужды армии». После слов «почтим память» – тишина. И если ничего не изменится, через пару лет минута молчания в память о погибших станет просто банальной традицией – люди привыкнут к смерти. Мы уже смирились с мыслью, что были, есть и еще будут погибшие. И «благословили» войну.

Раньше, когда случалась трагедия – теракт, стихийное бедствие, катастрофа, где гибли люди – объявлялся траур. В минуту молчания примеряли и принимали боль потери на себя, сочувствуя горю родных и близких, сопереживали и задумывались – о ценности человеческой жизни.

На школьной линейке многие молчали. Но были и такие, кому помолчать было некогда. Они жили своей жизнью прямо посреди скорбного молчания. Неспеша проходили мимо, беседовали, делали фото. Люди привыкли к смерти, войне, чужой беде. И научились с этим спокойно жить.

От любви до ненависти, от ненависти до войны

Мой дедушка говорил: «Лишь бы не было войны». Сейчас многие говорят – пусть будет. Самое взаимное и самое сильное чувство сегодня – ненависть. Самое не востребуемое – любовь. Самое забытое – милосердие. За четыре года войны, лучше всего мы научились ненавидеть.

Весной мы отправились в Литву на машине, выбрав по навигатору самый короткий путь до границы. А спустя пару часов езды с мистическим ужасом смотрели на стоящие вдоль пустынной дороги заброшенные, полуразрушенные, поросшие лесом дома. Мы проезжали зону отчуждения.

Природа не терпит пустоты и там, откуда ушли люди, теперь живут деревья. Почему-то вспомнилась судьба родного города, фото пустых улиц, и четкая мысль пришла в голову – пока там будут жить люди, деревья не поселятся в почерневших, разрушенных коробках домов.

Тридцать лет назад случилась беда. Рванул Чернобыль. Люди бежали, бросали свои дома. Радиация невидимо, неощутимо и неотвратимо убивала, разрушая людские тела. Сегодня тяжелая черная ненависть, затопившая сердца людей, страшно и неотвратимо рушит души.

Как радиация, она невидимо исходит из облученных и поврежденных войной душ, незаметно убивая, создавая смер-

тельно-опасный фон. Моя знакомая, работавшая в пункте приема людей, которых вывозили из Чернобыля, поделилась тяжелыми и жуткими подробностями тех событий.

С прибывших снимали одежду, состригали волосы, поили красным сухим вином. Потом, военным дозиметром измеряли уровень излучения, исходящий от человека. И если прибор, рассчитанный на высокие дозы, зашкаливал, становилось ясно – человек облучен и... обречен.

Есть ли жизнь после ненависти?

Вот бы изобрели прибор, измеряющий уровень ненависти в душе. И пункты приема – на въезде в большие города. Зашел, измерил свой уровень и имеешь представление – какой от тебя фон. Пора в изоляцию или можно к людям. Облученный человек – источник опасности для другого.

В реанимацию к умирающим ликвидаторам не впускали жен – проститься. К ним можно было зайти только в специальных костюмах. Потому что радиация, сжирающая в считанные дни человека вместе с костями, сожрала бы и того, кто находился рядом. А ненависть?

Ненависть – оружие массового поражения. Ненависть-радиация разъедает тела, обезображивая гримасами красивые когда-то лица, напрочь лишая их человеческого облика. Она сжирает человека, выедавая душу до черной холодной пустоты. Природа не терпит пустоты. Черную пустоту выжженных

ненавистью душ, она до краев заполняет холодным мрачным равнодушием. Как фильтр, оно отсеивает из человека боль, сострадание, сочувствие. И души наши, облученные и обугленные необъявленной и неоконченной войной, черствеют и умирают.

Десять лет назад в грозу недалеко от Донецка упал самолет. Люди летели домой из отпуска. Счастливые и загорелые. С детьми. Так все и погибли – счастливые, загорелые и с детьми. Самолет был российский, пассажиры – граждане другой страны. А горе было – человеческим. На место трагедии прилетели родственники погибших. Был объявлен траур, и минута молчания была настоящей. Молчали из души, сглатывая слезы. Украинцы сопереживали. Несли свечи и цветы на место трагедии. Были причастны горю. Страшно подумать – как было бы сейчас.

Те или эти?

Где, как, когда и каким образом возникли две, совершенно разные реальности? Нас поделили на ТЕХ и ЭТИХ, и мы согласились. Мы с удовольствием и азартом, по собственному желанию, стравливаемся под любым постом в соцсетях, не уступая в качестве и количестве оскорблений.

Так и не оправившись окончательно от потерь, не простив свои мытарства, бездомность, мы продолжаем мучительно выяснять – а что было бы, если БЫ. Не звали, не впустили,

не позволили, не ходили, не молчали, не уехали, не предали... Но жизнь не терпит сослагательных наклонений. Так и не простив покинувшим город безрассудную смелость, несогласие и отъезд в никуда, оставшиеся продолжают мучительно выяснять, как ТАК можно БЫЛО, убеждая себя в трусости и слабости тех, кто уехал. Достоевский сказал: «Мы все друг перед другом виноваты...»

Может быть, начало конца будет положено именно с той минуты, когда мы, вместо проклятий, увидим и простим друг друга? Те, кто уехал – оставшихся. Те, кто остался – уехавших. Те, к кому приехали и мешают – прибывших. Прибывшие – тех, кто нас принимает и терпит...

Почему так трудно было сделать выбор? Потому что выбор, это не то, что выбирают, а то, от чего отказываются. Кто-то – от дома, родных и близких, счастливой и безоблачной прошлой жизни. Кто-то – от возможности жить под мирным небом и мирным флагом. Каждый сделал свой выбор.

И... стал предателем. Почти по Достоевскому – мы все друг перед другом предатели. Те, кто уехал для тех, кто остался. Те, кто остался – для уехавших. Те, что уехали оттуда – стали предателями и для тех, кто здесь и для тех, кто там. Те, к кому приехали, считают предателями и тех, и этих.

Классика предательства – живущие на «два фронта». Они предают и уехавших, и оставшихся и тех, к кому приехали. Они – самые опасные, потому что выбрали не выбирать. Никого и ничего. И выбрали все. Жить в мире. Зарабатывать на

войне. Предать всех – и тех, и этих.

Еще раз о предателях

В Фейсбук кинули фото с отчаянной просьбой «терміново репост!». На фото – тяжело раненный двадцатилетний парнишка. Ранение – в голову, не совместимое с жизнью, полная потеря памяти. Искали его маму – чтобы могла проститься и похоронить. Такой молодой... Ровесник моего...

Первое, стремительное и необдуманное желание – поделиться. «Господи! Пусть найдет его мама, пусть успеет с ним попрощаться, пусть знает, где его могила». Ведь я знаю, как болит сердце за взрослого сына. Размазывая слезы, я поднесла руку к правой кнопке и... «зависла».

Мои публикации могут видеть и те, и другие, так и не довелось сделать «большую чистку» – не было ни желания, ни душевных сил на «сортировку». Поделиться фото – стать мишенью для чьей-то ненависти. Одни скажут – герой. Другие – он убивал наших детей.

В небольшой районной больнице умирал паренек, почти ребенок, а я испугалась. И стала предателем. Себя предала, заглушив свой первый настоящий порыв. Предала ту, другую, мать, что, выплакала все глаза, ее израненного умирающего сына. Человека в себе предала и мать. Мою ленту наверняка видят те, что были ДО, и те, которые пришли ПОСЛЕ. Страшно – делать репост. Страшно стать объектом

чьей-то ненависти. Страшно – видеть разрушительные следы войны в наших душах, которые научились искренне и люто ненавидеть.

Ненависть, как неоперабельная опухоль четвертой стадии с метастазами-крайностями. С каждым днем исчезает надежда. И шансов на исцеление почти нет. Но важно – остаться человеком. Не утратить способность видеть и чувствовать чужую боль. Не стать жертвой эпидемии крайностей.

Остаться в живых

Мы практически все больны крайностями. Признаки болезни – отсутствие полутонов. Белое или черное. С нами или против нас. Плохие или хорошие. Предатели или герои. Мы травим друг друга и не замечаем, что пытаемся вписать чужую жизнь, чужую боль в свои рамки.

Если, не дай Бог, человек не вписывается в наш пейзаж, не соответствует нашей «картине мира», он автоматически переходит «bad-катеорию» и беспощадно вычеркивается из списка, имеющих право на жизнь. Мы выносим суровый приговор, забывая, что это не в нашей компетенции.

Ненавидьте врагов ваших... Кому от этого легче? Те, кого мы ненавидим, иногда даже не подозревают о той буре, что бушует в нашей душе. Мы ненавидим и живем не ради жизни, а ради того, чтобы отомстить, припомнить, напомнить, доказать и наказать. Цель жизни – вендетта.

Как исцелиться и нужно ли исцеление? Красное сухое вино не помогает. И водка не помогает. И даже чистый спирт. Спиртное делает только хуже, сначала вырубая, а потом обостряя чувства до предела. Люди живут на пределе, вспыхивая как спички от любого легкого соприкосновения.

Может быть, среди тех, кто сейчас яростно, до зубовного скрежета, до перехваченного дыхания, до стиснутых зубов, захлебывается от накрывшей его черной волны ненависти, есть те, что захотят остаться в живых? Вернуть свет и тепло в свои потухшие остывшие души, впустив в них любовь?

Не для того, чтобы полюбить врагов и недругов. Для того, чтобы полюбить себя. И позаботиться. Вернуть себя себе. Четыре осени назад мы у себя были. И мы жили. Зачем же сейчас обрекаем себя на нелюбовь, не – мир и равнодушие? На жизнь с ампутированной душой?

По-людски

Когда люди разводятся, чтобы было не так больно и жалко, они обесценивают все, что делало их близкими и родными. В самом худшем варианте – последняя стадия развода – черед бесмысленных и жестоких оскорблений. Мы выбрали самый худший вариант. Бесмысленно и жестоко оскорбляя друг друга, не прощаем ошибок, не видим совместного будущего, мы считаем, что только наше мнение имеет право на жизнь. Свои заблуждения считаем истиной, свои убежде-

ния – законом. Никто не готов и не хочет остановиться.

Мы еще долго можем обсуждать – по чьей вине все произошло. Кто что заслужил, сколько и по какому тарифу. Кто виноват и что делать. Или, многое пережив и переоценив, найдем в себе смелость посмотреть правде в глаза, пройти через боль и выбрать жить – по-людски.

Каждый из нас уже сделал выбор. Но жизнь заставляет делать его снова и снова. Отказываясь от выбора, мы отказываемся от возможности что-либо переменить. В своей неприязни мы зашли слишком далеко, и никто не знает, где та самая точка невозврата...

Она не пройдена. Точно не пройдена. Но каждый день мы делаем уверенный шаг в направлении «слишком поздно». Когда-нибудь наступит день под названием «ничего нельзя сделать». Кто-нибудь хоть раз серьезно задумался о том, что будет за этим днем? Кто будет? И будет ли?

Однажды я услышала слова, перевернувшие мою жизнь. Для того, чтобы остановиться и перестать разрушать – отношения, семью, мир – надо искать то, что объединяет или сможет объединить. Честнее всего нас – уехавших, оставшихся и принимающих объединяет боль. За тех, кого больше нет. За то, чего больше нет и не будет. Когда больно – люди не слышат друг друга. Надо просто позволить – заблуждающимся, глупым, немощным иметь право на жизнь и ошибку. И верить, что когда-нибудь нас объединит общая минута молчания и прощение...

СТИХИ

* * *

Дедушке

*Детский сад, хрущевка, рядом лес
И окно знакомое на третьем...
Первый, от торца, его подъезд.
Поднимусь, но он не выйдет встретить.
Он не встретит. Я не проводила.
Что ж... Война. Обычные дела.
Проводы и встречи отменила
Эта «атипичная» война.
Кто-то в парке. Кто-то под обстрелом.
Слезы, смерть, омріяний безвіз.
Без границ. Без меж. И без пределов
Дорожает, дешеветь жизнь...*

* * *

*Жирной чертой разделены мои
ДО и ПОСЛЕ*

*Я стала старше – на век.
Мой сын стал взрослым.
Мои друзья поделены
На ТЕХ и ЭТИХ
За боль и слезы в ответе ТЕ
В ответе ЭТИ...
Мы были целыми до войны
И знали цены
Переоценены, снесены
Наши пределы.
И жизнь поделена напополам
И нету дома.*

Константин Скоркин

Константин Скоркин родился и вырос в Донбассе, писатель и публицист, журналист, участвовал в культурной жизни Луганска как один из основателей общественной организации СТАН (2004–2014), публиковался в сборниках этого объединения, периодике Украины и России. Работает политическим обозревателем в Московском центре Карнеги.

Карбон¹ (антиутопия)

(Этот рассказ был написан в 2014)

Мы собирались по пятницам, по обыкновению в «Шоколаднице», на Хрещатике. Прямо перед окном, выходящим на главную улицу страны. Еще недавно здесь пульсировала революция, но Кризис нанес на все свой суровый отпечаток. Вадим любил говорить, что здесь он чувствует себя в штабе Революции. Он же приходил обычно первым, вольный философ делал первый заказ на всех – коньяк, кофе, чего-нибудь перекусить.

Следующим приходил Саша, друзья выпивали по 50 и вели светскую беседу, пока не появлялся Влад, он выпивал штрафную порцию, сосредоточенно закусывал, в последнее время его беспокоил желудок. И, наконец, Вадим открывал пятничное обсуждение вопросом: «Что нового?», обращенным, прежде всего, к Владу.

– Ничего хорошего, – морщился Влад, – Перекладываем деньги из одного кармана в другой. Последняя хохма – они пригласили в качестве эксперта Спилберга, Спилберга, вашу машину!

Друзья засмеялись.

– Вот уж поколение Эм-Ти-Ви, лучше бы Майкла Край-

¹ Карбон – (каменноугольный период) – предпоследний (пятый) геологический период палеозойской эры (Википедия).

тона пригласили, – заметил Вадим.

Влад отмахнулся.

– На самом деле это не смешно, мы до сих пор не можем просчитать увеличение популяции, рост особей совершенно неконтролируемый. Не говоря уже о том, что мы по-прежнему не можем определить с истоками Кризиса – исследовательская группа фантазирует, что твой Спилберг. А велосипедчиков видели уже в районе Старобельска.

В разговор вмешался Саша.

– Если тебе интересно, то у нас в редакции рабочая версия такая – Ахметов хотел сделать подарок Януковичу, яйца, найденные в шахтах в течении нескольких лет складировались на нескольких режимных объектах, пока ученым их не удалось реанимировать.

– И зачем Януковичу динозавры? – спросил Вадим.

– Тут масса возможностей – от ботинок из кожи игуанодонов до парка юрского периода в Межигорье.

Влад почесал переносицу.

– Мы больше упираем на российский след, для такого проекта нужна сильная команда ученых, если бы кто-то из западных светил приезжал сюда, то неизбежно пошли бы утечки, а российские ходят по струнке перед чекистами, может они динозавров разводят еще со времен Дзержинского. Биологическое оружие, бля.

Саша развел руками.

– Какая разница – к зиме все закончится, такие крупные

рептилии не выживут в нашем климате. Вспомним Булгакова.

– Мы уже надеялись на то, что за месяц удастся локализовать кризис, между тем, пока он только разрастается. Зимы поздние и мягкие, и твари явно рвутся в Крым на зимовку, – парировал Влад.

Вадим разлил коньяк по бокалам и сказал:

– А я на самом деле рад, что так все получается. Динозавры – недостающий элемент экосистемы Донбасса. Помните, на юге Луганской области курды гоняли большие отары овец, которые превращали ландшафт в лунную пустыню, ни одно правительство не могло решить эту проблему. Динозавры сожрали эти вредительские стада за неделю.

– Да, вместе с местными жителями, – огрызнулся Влад.

Вадим улыбнулся:

– Ты сам говорил, что часть местных прекрасно уживается с динозаврами, я читал, что в глухих селах трицератопсов используют для распахивания полей. Нет, это все не случайно и не зря. Мы жили под собою не чуя страны. Динозавры вернули нам чувство истории.

– Вадику больше не наливать, – крикнул Саша, – Он сейчас договорится до того, что распространение этой заразы по стране – благо.

– Да, Саша, это так, мы закисли в постсовковом болоте, нужна была хорошая встряска, чтобы все проснулись. Это вызов, все наши метания между постмодерном и высоким

модерном, наткнулись на прорыв из невообразимой доисторической эпохи.

– Это все пустые умствования, они нас сожрут, просто сожрут, без всякой философии, – мрачно отозвался Влад. – Разум против мощных инстинктов, и разум пока проигрывает, мы даже не можем понять из-за чего все началось.

– А я все-таки с оптимизмом смотрю в будущее украинского народа, – парировал Вадим. – Посмотрите на добровольческий легион «Святой Георгий», это сплав разума и инстинктов, в наших людях проснулся не менее архаичный образ Змееборца! Я смотрел в ютубе, как они жгут из огнеметов гнездовье птеранодонов в шахте лифта многоэтажки. Это эпос, библейский сюжет!

– Почему, почему рептилоиды начали именно с Украины! – манерно заламывая руки воскликнул Саша.

Все засмеялись. Меж тем официант обновил графинчик с коньяком. Вадим деловито разлил его по бокалам. Влад поднял свою порцию и вздохнул:

– Ладно, шутки в сторону. Я хочу сказать тост.

Друзья сделали сосредоточенные лица.

– Так вот, – начал Влад. – Когда-то я...

– Смотрите! – неожиданно заорал Саша, тыкая пальцем в окно.

По Хрещатику бежал велосираптор. Заходящее солнце отсвечивало на его роскошной чешуе. Он был напуган и агрессивен, великолепная мускулатура природного убийцы

была напряжена, зубастая пасть разинута. Динозавр запрыгнул на припаркованную машину. Он задрал голову, его болотного цвета глаза уткнулись в окно, из-за которого на ящера смотрела компания экспертов. Раптор сглотнул слюну.

Rina Winter

Родилась в Донецке. Поступила в университет на специальность «журналистика». Хотела и пробовала работать в качестве журналистки, но потом разочаровалась. Обучилась на швею и работала в цеху. С началом войны покинула Донецк, жила в разных городах Украины. На данный момент проживает в Киеве, занимается волонтерством. Сфера интересов: философия, политика, литература, проблемы экологии.

“Для меня Донецк был урбанистическим родителем. После поездок туда в 2015 и 2016 годах – это образ дома и детства, которых больше не будет никогда. Стихи для меня – шрамирование опыта, который невозможно уместить в сознании.”

СТИХИ

(Автор попросила не редактировать строчные буквы и перенос строк – Примечание редактора)

разминируй будни. пожалуйста. очень тошно. хоть кури загнившие книги романтиков и Рабле. если сойти с планеты мне ещё можно, то пакую ничто, ликвидируя свои письма зиме,

чтобы выпростаться из белотканной сети потребления, бессовестных краж и зла. у меня – пара космических кратеров на примете и огромная всеобъемлюще-угольная дыра.

раствори беспокойство моё в серебристой ртути, заглуши мои вопли хохотом инквизиторов и врагов. я не сломалась. я прыгаю на батуте, зная: никогда не сброшу заземления-дна оков.

скОрби! скОрби! её, бесценной! молчаливой, чинной и холостой, чтобы лица стали глядеть смиренно и стыдливо мечтали бы про покой.

разыщи все эти протянутые двустволки, что торчат как приветственная рука – пусть в них будут пули благого толка, пусть безмятежность вводит свои войска.

я беру на себя отвлечение – для манёвра, покажу им, как тело горит на побледневшем снегу. разминируй мир. безжестко и бескровно, а иначе я до утра умру

21 декабря 2015-го

* * *

после пяти сотен стезжков вдоль кромки прорехи в мироздании видятся меньшим злом. у корабля после крушения – хоть обломки, мне пришлось довольствоваться одним дном.

после тысячи стезжков – прячется пустота, помещается в выточку или в пару. у покойниц – та же линия рта, у меня – всё лицо отпало.

я беру на себя отвлечение – для манёвра, покажу им, как тело горит на побледневшем снегу. разминируй мир. безжалостно и бескровно, а иначе я до утра умру

после финальной примерки вскользь швы забываются по ненужности. если бы однажды всё-таки удалось, я бы сожгла себя по окружности.

* * *

люди смеются. шутки шутятся. время пятится спиной назад. – а что будет завтра? а завтра – получится? – спрашивает убитый вчера солдат.

паутина шифров – манипуляции, политика крадёт даже тени или следы. человечность больше не навигация на карте каждодневной слепой войны. сделай громче и дай мне рацию: "мама, мы все тяжело больны". честное самоубийство, за-

писано – «провокация», "бесправно и слабо", – доказано через суды.

люди смеются. сизифом трудятся. время точит лезвие, греет клеймо. всё насилие-"счастье" завтра окупится, потому что всем уютно и всё равно.

Харьковский вокзал, 2014

* * *

кончилась плёнка. звук как притирка асфальта к шинам. номер бессонницы – настольная книга. от критической оптики быстро приходишь к панической атаке и не можешь объяснить санитаркам, что такое эйджизм и почему тебе в 8, 14, 19, 22, 25,... все так же хочется, умереть или

чтобы горизонт – из гуаши, деревья – из чернил, упаковка – только бумажная. и чтобы люди – из понимания

кончилась плёнка и из музыки не выжмешь той художественной боли, что заглушила бы ощущение ничтожности неуместности, будто я целлофановый пакет на веткеazole пышной похоронной процессии убийцы (потому что военный) с флагами и слюдяными слезами

кончилась плёнка и всё, что было уютным поездом, везущим на конечную всей планеты, стало пустой холодной воюющей камерой в районном СИЗО.

2018

* * *

красный на светофоре. хотя нет смысла в цветах на могиле. это всё улика свидетельство жизни в гробах мы не в том, в чем нас проводили, а – как никогда – в себе квинт-эссенция оболочки как человек на светофоре, отдающий всё своей механической роли или как слово, летящее мимо строчки и остающееся в огне самосожжения. всё равно запишут – в один из двух лагерей. они плохо ищут и видят пропаганду, а не людей. красный на светофоре беги быстрее.

* * *

всё закончится, милая мы выйдем в весну надеюсь, что не в окно ещё до рассвета меня отпустит и я усну за кадром испанского артхаусного кино

под ненавязчивую трель уходящего поезда в никуда, сожмнувшись кроной дерева и ты ловко и вместе с тем боязно примешь мою смерть, будто уже поверила

всё закончится, милая те, кто у власти, опустят занавес как решетку или лезвие гильотины за секунду я осознаю – любила лес, а жила среди металла, пластика и резины

всё закончится помню, мне приснилась собственная агония и я улыбалась от облегчения смертью но приходило

*утро и ты ладонями собирала меня на любовь свою, как на
петли*

*Камю писал, что от любования шрамами можно впасть
в эгоцентричную ложь-зависимость только вот опыт да-
ётся ранами, без которых сложно играть в невидимость*

*всё закончится, милая почти после каждой акции поли-
цейская остаётся полицейской, а мы – разбитыми сколько
ни кричи про протесты и провокации они видят нас телами
– заткнувшимися, убитыми.*

*всё закончится, милая титров не будет, как нет и бога
мы выдохнем жизнь февральским воспоминанием и осядем
пылью скитающих у порога без лишних слов прощения и
прощания.*

2019

* * *

*воротник сторожит дыхание, а от дома остался один
камин... вокруг зола оседает каменно – тысячи громоздких
седых равнин.*

*за порогом кошка зовёт котят, солнце ночь прядёт гори-
зонता нитью. тишина безмолвствует. город взят. и пока
жива – ни войти, ни выйти.*

*сигаретный дым заработал компасом, ноги месят грязь,
голос месит визг. седой ребенок осипшим голосом говорит,
что убежище – направо и вниз.*

паническая атака ветра идёт на убыль, капельница дождя кончилась до утра. думаешь, раньше здесь тоже был уголь, только вот теперь он – сожжённые сплошь тела.

гильзы взглядов отскакивают от выбоин на дорогах, гонимых без шагов мы накликали это? мы выбрали? дальше – только стопка кровавых слов.

Январь, 2015

нытьё

школьные окна рядом ложных основ укладывают в свет всю тьму незнания того, сколько гендеров, как уберечься от мудаков, кто вводит политику (не) рожания.

сквозь прямоугольные рамки нормы, проржавевшей, но почему-то незаменимой видятся люди, думающие, что они неправильной формы и что их мнение – это всегда окраина

через решётки педагогической дрессировки вылезти бы к растущему тополю и вдыхаться, но учительницы догм так убедительны и так ловки, что критическому мышлению (почти) не остаётся шанса

у них перемена – пауза. чисто дисциплинарная. у меня перемена – уничтожить власть. но я глупая, беспомощная, прекарная и, кажется, лучше б не родилась

** * **

*острая боль, граней гранит ситцевый ветер, розги песка
вырвешь себя – сердце болит включишь себя – сознанию тос-*

ка.

ляжешь в огонь – холодно ждать, встанешь на лёд – остро вдохнуть, выйдешь курить – тебежсержать запрёшься одна – спать не уснуть

шрамы деревьев, морщины земли, людные волны, частоты из сна займёшь всю любовь – и на мели, возьмёшь всю любовь – и убьёшь ей себя.

купишь билет – город уйдёт, пройдёшь границу – закроешь капкан. все эти буквы – просто помёт, только сукровица вскрывшихся ран.

* * *

и сегодня ты, как вчера, не позвонишь, не напишешь, не встретишься. только окурок останется от утра, только вонь той клетки, в которой мечешься

залюбуешься птицами – упадёшь, оцетинишь голос хриплым рыданием. снег растаял, всё – лужа, что ж, это всё глобальное промокание...

расстели чёрную, что вороново крыло, ночь и багрянцем самоубийства выцвети. но зудящее «я» не прочь медленнее умирание выстроить.

нехотя ковыляешь к автоответчику, там сообщение, что война. а в тебе убивать уже некого, нечего, ты и сам себя размозжил сполна.

разглядеть бы последнее сизое утро, взглядом поймать

*бы последний рассвет... но ты сегодня решишь, что трудно
и незачем жить до тридцати лет.*

9 декабря 2014-го

** * **

*на другой стороне перрона я стою – и на мне уже нет
лица жизнь окликает меня из трогаящегося вагона, но я
мёртвая безбилетница*

*смерть Воландом глядит на меня напротив "смешная ты,
жалкая и смешная" забирай меня, отвечаю, я ведь совсем не
против "глупая, я же тебя поэтому и не забираю"*

*блоковский фонарь искривляет нимбом её ли, меня, чёрт
разберёт атеистке, недопоэтке мне хватило бы лимба по-
тешается: "я тебя туда, если кто-то его найдёт"*

*из ушных раковин выплывают шаги провожатых гилью-
тина гуманна, только где же палач только ряд в чёрной
форме, с дубинками вагоновожатых да и те ждут слабо-
сти – агонию или плач*

*чемодан сартровской тошноты, пересыпанной мандари-
нами от Симоны комично – бояться всю жизнь высоты да-
же своего роста, существования и надлома*

*ночь-эксгибиционистка – звёзды из-под плаща ворон-ха-
рон слышит монетки в моём кармане разрытая земля по-
летному горяча но я бы хотела схорониться в пламя.*

маки губами красными пьют туман, ртуть венообразной

*реки ужом вьётся, лягу в ванну слов, вот чернильный кран
и буду верить, что завтра сознание не вернётся*

** * **

*занавес в этом городе сезонное понятие, а не суточное
аплодисменты актрисам выдают объективирующей рекла-
мой летом и осенью декорации суетные и сутолочные раз-
нообразие ролей оборачивается нормативной бинарненькой
панорамой*

*суфлёрка засыпает на репликах с критикой в результа-
те со сцены льётся елей «прогресса» на злополучном акте с
обысками и митингом единственный зритель уходит, что-
бы избежать стресса*

*этот город полон бетонных карманов с кукольными
людьми, сома выдается им в кофейнях за чаевые вежливо-
сти спросишь: а мы? я спрошу: кто «Мы»? билетёрки, опе-
раторки света – реквизит, исторгнутый из промежуности?..*

*нашу роспись под репертуаром подделали мы думали нас
удочерила планета, на деле же – сценарист город засыпает.
асфальтные веки становятся тёмно-серыми наберись
смелости. сожги, скомкав, последний лист*

* * *

*бусинами слова нанизывай, упрощай забрасывай табаком
за бумажный ворот растворяй сахаром, добавляя в чай про-
ложи маришут через спящий город*

*ветки все, что зимою истощены, все буквы кириллицы –
хворостом собери брось на сырую землю холода-тишины ис-
крою будет «я» – так что ты жги, жги,*

*вязкой смолы помадой спрячь на губах слова грузностью
снегопада урони их, давно пора*

*сдай как сдают кровь агонизирующим из-за молчанья вы-
пусти как рыбаки улов слова из своего сознания*

*утопи, расплети, раздай пожертвуй на цвет зари со мной
только – пообещай – никогда больше не говори.*

* * *

*Гладко выбритая луна как солдатская голова повесилась
у меня за окном*

*сгнил фундамент, просел дом люди – это теперь тела
город – безутешная мать-вдова*

*где на глине волос моих седина? Где шрам крика горести
вместо рта или самосожжение с манифестом?..*

я мечусь в клетке и нет мне места ни среди трупов, ни

*среди живых разве флаги и паспорта спасают от ножевых?
каждое утро с войной— это удар под дых «это на пару
месяцев», «до зимы пройдёт» – говорили мы, не ведая, что
грядёт*

*слова «танк», «автомат» или «миномёт» теперь торчат
осколками в голове, нет реальнее их. во сне*

*я опознаю тела – и все мне нужно нести в морг это так
я должна оплатить долг*

*государствам, которые ведут торг жизнями животных
и людей площадями рек, деревьев, полей?*

*дай мне покоя. или налей крепкого беззаботного забытья
потому что ещё одно утро я не умещу в себя.*

** * **

*Бессонница – это маленькая смерть, дорогая, послушай:
слова разбегаются, как тараканы от света, мотыльки сле-
таются на этот же свет голос один говорит – будет толь-
ко хуже, голос два повторяет, что лучше будет, но в конце
каждого жеста – ощущение, что проебался момент*

*молнию можно застегнуть, уже находясь внутри гроба.
можно кричать из урны прахом, но разве её разобьёшь?..
опыт, воспоминания ткуются скрупулезно – и вот уже роба
на тебе второй кожей, смирительной рубашкой – и ты её
не порвёшь*

пропасть между нагретым асфальтом и холодными

внутренностями земли преодолевается (не)удачным блефом или (не)своевременным трипом. сбиваясь в стаи на илистом социальном дне, мы констатируем, что одни без вакцинации эмпатией мы заражаемся насильем, будто гриппом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.